

| КИСЛЯКОВ |

ТАЙНЫЙ ГОД

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДНЕВНИК СВЯЩЕННИКА

Наследие архимандрита Спиридона (Кислякова)

Спиридон Кисляков

**Тайный год. Неизвестный
дневник священника**

«ЭКСМО»

2020

УДК 271.2
ББК 86.372

Кисляков С.

Тайный год. Неизвестный дневник священника / С. Кисляков —
«Эксмо», 2020 — (Наследие архимандрита Спиридона
(Кислякова))

ISBN 978-5-04-109468-3

После почти столетнего забвения на родине личности и творчества архимандрита Спиридона (Кислякова) выходит полное издание его дневников. История рукописи произведения, предлагаемого читателю, загадочна, необычна и драматична. Созданная незадолго до смерти автора, она хранилась у его духовной дочери (многие годы находившейся под пристальным присмотром НКВД), была выкрадена в начале 1980-х годов, затем несколько раз перепродана и вновь похищена во время второго Майдана. К издателям рукопись попала от киевского обладателя, выкупившего и сохранившего дневники и воспоминания отца Спиридона. Само произведение представляет собой нерасшифрованное послание, к которому еще предстоит найти ключи, и исследовательская работа в этом направлении только-только начинается. Это не обычные дневниковые записи фиксирующего события и мысли человека, а описание одного года жизни, в каждый день которого вписаны тайные и явные смыслы, ведущие в вечность.

УДК 271.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-04-109468-3

© Кисляков С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Павел Проценко	7
[1927 г.]	35
[Начало декабря. «На границе двух миров»][101]	35
13 декабря. Свойства моего «я»	37
14 декабря. Жизнь моего «я»	39
[14 декабря.] Тайна моего «я»	41
15 декабря. Начало христианского возрождения моего «я»	44
16 декабря. Освященное «я»	47
17 декабря. Облагодатствованное «я»	50
18 декабря. Обоженное «я»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Архимандрит Спиридон (Кисляков)
Тайный год
неизвестный дневник священника

Серия «Наследие архимандрита Спиридона (Кислякова)»

Подготовка текста к публикации, редактura, комментарии П. Г. Проценко, И. З. Дьякова

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Павел Проценко

Когда история невыносима

Записки русского миссионера из ада (1927–1928)

Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут...
(1 Кор. 15:22)

За последние несколько лет в России выходит из печати уже четвертая книга архимандрита Спиридона (Кислякова)¹. Кроме того, в 2017 г. вышла биография его друга и ученика свящ. Анатолия Жураковского, где подробно описывается жизнь о. Спиридона². И это после почти столетнего забвения на родине его личности и творчества³.

Необычна история рукописи произведения, ныне предлагаемого читателю. Созданная незадолго до смерти автора, она хранилась у его духовной дочери (многие годы находившейся под присмотром НКВД), была выкрадена в начале 1980-х годов, затем несколько раз перепродана и вновь похищена во время второго Майдана.

Не менее необычно и содержание рукописи. На первый взгляд она может произвести впечатление шизофренического бреда или набора графоманских описаний явлений духовной жизни. На ее страницах автор напряженно молится и размышляет о тайнах бытия, смерти, Св. Троице, замысле Творца о творении, восстании творения и Страшном суде над ним. Исходя из биографии автора, истории его столкновений с церковной бюрократией в борьбе за возможность свободного служения идеалам православия, его мужественного противостояния гонителям веры в период нэпа, нам удалось найти ключ к его молитвам и видениям потусторонней жизни как последней попытке оптимистического христианского взгляда на историю. А также и на судьбу традиционного церковного мира и старорусской жизни с ее жаждой всеобщего спасения в правде и истине. Эти записки – поток сознания из молитв и видений еще не старого, но уже серьезно больного человека, физически надорвавшегося в результате многолетней работы на ниве христианского просвещения. Рассматривая их под этим углом, мы обнаруживаем многие типичные для русской духовной культуры темы в их предельной постановке.

Георгий Степанович Кисляков неоднократно пишет, что родился в 1875 году. Согласно записям в метрической книге, он появился на свет двумя годами ранее, 21 мая (ст. ст.) 1873 года⁴. Крещен в тот же день в Пятницком храме села Казинки Скопинского уезда Рязанской

¹ *Спиридон (Кисляков), архим.* Исповедь священника перед Церковью. М., 2017; *Он же.* Я хочу пламени. Жизнь и молитва. М., 2019; *Он же.* Нерчинская каторга. Земной ад глазами проповедника. М., 2019. Эти книги выпущены издательством «ЭКМО» и впервые вводят в культурный и научный оборот полную версию воспоминаний архимандрита. Кроме того, в прошлом году очередной раз переиздан их старый, журнальный, вариант: *Спиридон (Кисляков), архим.* Из виденного и пережитого. М.: Изд-во «Синописис», 2019.

² См.: *Проценко П. Г.* К незакатному Свету. Анатолий Жураковский: пастырь, поэт, мученик, 1897–1937. М., 2017. С. 20–236. См. также: *Он же.* Откровение любви во время мировой бойни // *Спиридон (Кисляков), архим.* Исповедь священника перед Церковью. М., 2018. С. 7–25.

³ Следует отметить, что еще в 1950 г. во Франции был издан перевод воспоминаний о. Спиридона (их вариант из киевского журнала «Христианская мысль»), сделанный и прокомментированный французским славистом Пьером Паскалем (Pierre Pascal). Благодаря этому переводу, на книгу архимандрита обратил внимание ученик и биограф афонского подвижника русского происхождения Силуана (Антонова; 1866–1938; ныне прославлен в чине преподобных) иеромонах Софроний (Сахаров; 1896–1993, впоследствии архимандрит и основатель православного монастыря в Англии). Он пишет краткий отклик на прочитанное, в котором высоко отзываясь о мемуарах киевского миссионера, называя их «ценнейшим свидетельством», «заслуживающим большое внимание» и «оставляющим неизгладимое впечатление». См.: *Софроний, иером.* Библиография [На фр. перевод книги архим. Спиридона «Мои миссионерские труды в Сибири»] // *Вестник русского Западноευропейского экзархата [МП].* Париж, 1952. № 9. С. 28–29. (Приношу благодарность старшему редактору издательства ПСТГУ Е. Ю. Агафонову за указание на этот материал.)

⁴ Именно этот год следует считать действительным; день рождения, 21.05, подтвержден и в настоящих записках. См.

губернии. С раннего детства в родительском доме он ищет последнюю, главную, правду о Боге. Отроком идет пешком в Киев, затем переправляется в Грецию, в знаменитую монашескую республику на Афоне, потом оказывается на Алтае и в Сибири с миссионерским послушанием. В 1903 г. принимает монашеский постриг. В 1915 г. направляется на Юго-Западный фронт военным священником и вскоре за ревностные проповеди отправляющимся в бой солдатам получает сан архимандрита.

В конце следующего года после авиабомбежки с ним происходит внутренний переворот. Ему открывается безумие мировой бойни и греховность ее одобрения именем религии. Попытки преодолеть духовный кризис приводят архимандрита к знакомству с киевским профессором нравственного богословия Василием Ильичем Экземплярским (1874–1933). Встреча их, состоявшаяся осенью 1916 года, помогла военному священнику обрести новый смысл существования, возвратив к религиозной весне собственного детства. Кроме того, она неожиданно сделала монаха писателем. Еще одним следствием знакомства стало обретение архимандритом обширной паствы на холмах древнего Киева.

Богословие Экземплярского пронизано стремлением преобразить мир «вдохновляющей силой Голгофы». Однако он столкнулся со «страшной противоборствующей силой», и не где-нибудь, а в стенах родной Киевской духовной академии. В 1912 году под надуманным предлогом и с использованием прямой клеветы решением Священного Синода его уволили с кафедры. Для мировоззрения Экземплярского характерно стремление дать обществу наглядное представление о внутреннем христианском опыте как свободном уповании. Именно поэтому Василий Ильич убедил военного священника записать историю его религиозного развития во всей ее сложности и противоречивости. Многие сокровенные настроения и переживания о. Спиридона в умелой и бережной редакции Экземплярского несут отпечаток мыслей самого богослова. Значимость их знакомства видна уже из того, что о. Спиридон считал Василия Ильича своим «отцом во Христе»⁵.

Будучи полуслепым, Экземплярский, несомненно, воспользовался услугами стенографисток, которые сотрудничали с редакцией его журнала. Из живой речи рассказчика нужно было выделить главные линии, характеризующие его личность и судьбу, особенности восприятия самородка из народа. Поэтому при рождении прототекста воспоминаний присутствовал и киевский богослов, словно режиссер направлявший внимание рассказчика на главные предметы и картины пережитого. Из созданной таким образом мемуарной записи затем родилась при жизни автора публикация в киевском журнале «Христианская мысль» («Из виденного и пережитого», 1917).

В 1919 году в Киеве же на собственные средства архимандрит Спиридон издает «Исповедь священника перед Церковью», в которой рассказал о своем военном опыте и попытке повлиять на позицию церковного руководства в вопросе христианского отношения к войне. В 1920 году о. Спиридон издает еще одну свою книгу «Царь христианский». Это своего рода мистико-богословский разговор о смысле жизни с точки зрения христианского сознания, ищущего возможности освободиться от плена мирских идолов и иллюзий. В этом сочинении он выступает уже полностью как самостоятельный автор. (Хотя редакторская помощь при ее написании ему была явно оказана.)

Между тем именно в год выхода этой работы в Киеве окончательно утвердилась власть большевиков. Об обстоятельствах последнего десятилетия жизни о. Спиридона до нас дошли лишь обрывочные факты и скудные свидетельства.

запись от 22.05. 1928. Приношу сердечную благодарность за сообщение сведений из метрической книги Пятницкого храма киевскому историку Т. В. Кальченко.

⁵ О влиянии идей Экземплярского на архим. Спиридона см.: *Проценко П. Г.* Киевское братство Иисуса Сладчайшего (1917–1930): момент возникновения – взгляд в истоки братского движения // *Православные братства в истории России: К 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов*: Сб. научных трудов: В 2 ч. М., 2018. Ч. 2. С. 36–47.

В том же году он буквально спас от смерти из-за обострившегося туберкулеза своего юного друга, студента Киевского университета Анатолия Евгеньевича Жураковского (1897–1937). После выздоровления тот принимает священный сан и вскоре становится во главе небольшой православной общины из киевской интеллигенции. В 1922-м оба священнослужителя, так же как и В. И. Экземплярский, много сделали для отражения в Киеве атаки на православие со стороны «красного» духовенства (т. н. обновленчества). За эту деятельность о. Анатолий был арестован и отправлен в ссылку. После возвращения из нее в конце 1924 года между Жураковским, этим киевским «златоустом», с одной стороны, и пастырем рабочих и бедняков, архимандритом Спиридоном – с другой, вновь наладились отношения. Известно, что последний в течение нэпа служил «Царю христианскому» с напряжением всех сил.

В «старое время» архимандрит был винтиком православной агитационной машины, его служение определялось заданиями начальства, своеобразными представлениями о целесообразности, которыми руководствовались церковные бюрократы. В Сибири, в Каменце-Подольском (Юго-Западный край) о. Спиридон произносил проповеди перед огромными скоплениями народа. При этом в его воспоминаниях не заметно участие в индивидуальной работе с людьми.

Только с конца 1917-го он начинает заниматься собственно пастырством. С этого времени у него появляются ученики из молодых людей, которых он готовит к будущему служению в священном сане. Он участвует в деятельности Киевского христианского студенческого кружка, в миссии среди детей и бедняков, организует материальную поддержку бедствующей профессуре Киева. Его жизнь до краев наполняется чисто христианским содержанием. В конце концов его могучее здоровье пошатнулось. Жураковский писал в одном из писем ноября 1926-го года:

«Болен о. Спиридон. Надорвался сильно. Может быть, не вернется к активной, полной церковной работе, по крайней мере, в широком масштабе».

Масштаб этот и впрямь был необычен, особенно в годы нэпа в СССР с его деградирующей и усыхающей общественной жизнью.

В свое время В. И. Экземплярский критиковал подмену церковной жизни администрированием и угождением светским властям. Возможность восстановления в Церкви ее апостольских принципов он видел в возврате верующему народу дара свободы. Тогда, по убеждению профессора и его соратников, осуществится мечта ранних славянофилов и дух божественного творчества будет двигать историей Церкви, как того желали ее основатели. При этом он еще до Первой мировой войны осознал трагизм положения человека, стремящегося к доброделанию в расколотом грехом мире. С его внутренних глаз спали розовые очки благодушной надежды на конечную всеобщую победу христианства.

Архимандрит Спиридон обладал чуткой душой и восприимчивым сознанием. Многие идеи, богословские темы и символические образы Экземплярского отражены в мыслях пастыря о конечных целях христианской жизни⁶. Он также опирался на богословские интуиции своего младшего друга, ученика, а затем и духовника священника Анатолия Жураковского.

История записок

Новые, не публиковавшиеся ранее, записки Кислякова лишь отчасти развивают пафос его предыдущих, напечатанных при жизни, текстов: «Из виденного и пережитого» (1917), «Исповедь священника перед Церковью» (1919) и «Царь христианский» (1920), но также вносят в палитру его размышлений совершенно новые мистико-догматические краски.

⁶ Заимствования из Экземплярского мы находим и у Михаила Булгакова, внимательно читавшего книги профессора и разделявшего его образно-богословское видение бытия.

Что такое этот новый текст?

Он дошел до издателя в неполной сохранности: без начальных страниц, без названия и даже без наличия рукописи (или авторизованной машинописи) в виде электронного набора, произведенного в Киеве одним из перекупщиков разворованного архива бессребреника-архимандрита.

Киевский искусствовед, имевшая доступ к рукописям архимандрита, в своей весьма путаной статье на сайте «Киевская Русь» назвала этот текст «[Дневником]». Он состоит из поденных записей и при первом ознакомлении производит впечатление непосредственного отражения не столько увиденного, сколько продуманного и пережитого автором на протяжении временного отрезка длиной почти в год.

Начал он его вести не позднее 13 декабря 1927 года, а последняя сохранившаяся запись датируется 7 октября 1928-го. Принадлежность именно к этим годам удалось определить, благодаря имеющемуся под 5 апреля указанию на то, что автор пишет на «пасхальной неделе»⁷. Под это указание подходят два года: 1917 и 1928-й. Первая дата отпадает, т. к. 1917-й – не високосный год (а в записках есть дата «29 февраля»). Таким образом, в 1928 году Пасху отмечали 15 апреля н. ст. (2 апреля ст. ст.). Дальнейшие записи совпадают по церковно-календарному содержанию с переживанием дней Цветной Триоди.

Другие привязки к дням передвижного пасхального цикла, имеющиеся в тексте, например к дням Страстной недели, оказываются явно ошибочными (со сдвигом на один день). Возможно, ошибки эти вызваны особенностями ведения автором записей, когда впечатления записывались позже указанной датировки.

Записки можно условно разделить на несколько тематических частей. Первая посвящена размышлениям о христианской личности («я» освященное; облагодаствованное; обожженное). Вторая посвящена христианскому зачатию детей, настроению христианской матери и христианской педагогике. Третья часть содержит размышления о природе Церкви и ее роли в истории, а также обличения духовенства и теплохладного христианства. Четвертая посвящена Троице и ее участию в непрестанном акте творения и космического созидания. Здесь же находятся рассуждения о Св. Духе. Пятая часть посвящена видениям ада и суда над грешниками.

Идейные влияния

При очевидном мировоззренческом влиянии Экземплярского на о. Спиридона следует отметить и различия в их творческих почерках и восприятии бытия. Киевский богослов рассматривает мир через призму святоотеческого учения, создавая с его помощью интеллектуальные формулы поведения человека, постигающего евангельский идеал, находя синтетические образы, помогающие различать внутренние стороны Писания и Предания в их применении к текущей социальной действительности. Архимандрит же описывает окружающее, скорее, с помощью экстатической поэтической речи. Он также опирается на слово Библии и опыт церковного предания, его текст переполнен реминисценциями из святых отцов, древних патериков, а также современных ему авторов.

Архимандрит много читал, подтверждение чему находим и в его записках. В них, так или иначе, отражаются «Божественные гимны» преп. Симеона Нового Богослова, дневниковые размышления знаменитого протоиерея Иоанна Кронштадтского, поэма Джона Мильтона «Потерянный рай», обретшая в России популярность в народных кругах еще с конца XVIII в., научно-популярная литература, современная автору, «Столп и утверждение истины» священника Павла Флоренского... список можно продолжить⁸.

⁷ «Я проснулся, и на душе у меня радостно. Пасхальная неделя!» и т. д. (Запись от 5.04 ст. ст. 1928).

⁸ В частности, некоторые идейные переклички можно найти и с «Третьим Заветом» «неортодоксального мистика»

Серьезное влияние на стиль мышления (а значит, и записок) Кислякова оказали катехизис и «школьное» богословие в целом. Различного рода публицистические трактовки последним важнейших духовных вопросов, публиковавшиеся в популярных в церковном народе дореволюционных листках⁹, оставили в публикуемом тексте свои следы. В них, со ссылками на святых отцов, излагались порой крайние точки зрения на острые церковно-общественные проблемы и предлагались для их решения жесткие подходы.

Своеобразие стиля записок о. Спиридона в сочетании широты богословского зрения, глубокого мистического восприятия всеблаготворного Промысла, постижения бесконечности Божественной любви и при этом порой гневного взгляда на «грешников» вполне в черносотенном духе. Он смотрит на действительность одновременно с точки зрения милующего и любящего христианского сердца и с точки зрения корпоративно-церковной, осудительной и полной старых предрассудков.

Но если читатель, натолкнувшись в записках архимандрита на его мысли и высказывания, словно рожденные в мраке Средневековья, заключит, что тот был мракобесом, то ошибется. Чтобы понять язык автора, проследим ход его мыслей.

Духовная и мистическая проблематика

Каждая запись является попыткой осознать свое «я», стремлением понять Отчую волю о человеке, о мире, о последних судьбах земли. Одновременно с этим автор стремится понять взаимоотношения между тремя Ипостасями Св. Троицы, а также передать свое преклонение перед Христом, перед Его любовью и дарами, которыми окружен человек на протяжении своего земного пути. Преклонения автору мало, он пытается войти в глубины творческого замысла Промысла о путях человека в истории и «тает» от восторга перед высшей волей. Потому как та заключается в приклонении неба к земле: введении небесных начал в плоть твари и земного устройства с тем, чтобы сделать последнее преддверием Царства вечности, а каждого человека – отражением Самого Сына Божьего в Его славе.

Только в таком виде, в соединении через подвиг Христа человеческой природы с божественной, автор готов принять все мироздание, весь замысел Творца, всю историю как путь, имеющий своей целью восстановление Адама. Для архимандрита дело Христа является осью бытия, вокруг которой вращаются все его внутренние и внешние интересы. Монах пытается хоть в малейшей мере коснуться этого «всеспасительного» действия. В такой сопричастности к нему он черпает силы для жизни, а значит, для покаяния, радости и благодарения.

Каждая запись является для автора некоторым психическим и интеллектуальным механизмом по разогреванию смирения, благоговения перед чудом божественного снисхождения и очистительного внутреннего плача. До тех пор пока этот невидимый, но внутренне осязаемый автором механизм не срабатывает, он находится на грани смерти и уныния. Но вот в сознании проскакивает духовная искра, мотор чувства заводится, запуская процесс живой сопричастности к замыслу Бога. Внутри этого процесса автор получает возможность припасть к ризам Христа и из этой точки преклонения перед Сущим смотрит на мир, на себя, на вселенную, на все проблемы бытия.

...Одна из первых проблем, всегда важных для о. Спиридона, затрагиваемых им и на страницах данного текста, – это вопрос педагогический. Как воспитать сознательного участника христианской жизни? Многолетний опыт работы миссионером говорил о том, что без деятельных членов Церкви невозможно излечение ее от исторического паралича, о котором

А. Н. Шмидт (1851–1905).

⁹ Это «Троицкие листки», издававшиеся в Троице-Сергиевой лавре, весьма популярные в народе, и т. п. церковные издания.

упоминал еще Достоевский, невозможна полнота церковного служения, невозможно и возрождение родины. Отец Спиридон хорошо знал, как слабо выполняли свою педагогическую миссию его коллеги по духовной корпорации. Об этом с негодованием он упоминал в своих изданных книгах. К середине 1920-х за его плечами стоял и новый опыт соприкосновения с нерадивостью клириков в условиях преследований за веру. Он также наблюдал массовое отпадение от Церкви народа, еще недавно заполнявшего храмы.

Для архимандрита непреложна следующая истина: без религии невозможно нравственное воспитание народа:

«Религия... везде нужна как единственно-исключительное живое творческое начало... К сожалению, в наше время и особенно в нашей разнузданной и проросшей всякими соблазнами и преступлениями стране о религии... никто не думает. В наше время среди православного мира религии нет места ни в материнстве, ни в воспитании детей, ни даже у духовных родителей, у священников. Скажу правду, у нас в России редкая жена священника обвеивает колыбель своего ребенка религиозным дыханием молитвы или даже осенением крестным знаменем, отчего сплошь и рядом получается такое явление: отец священник, а сын форменный безбожник»¹⁰.

Этому наблюдению миссионера трудно что-либо возразить, тем более в плане эмпирических наблюдений над происходившим со страной сползанием в бездну. Но следующее замечание автора вызывает удивление крайностью своего подхода:

«Беру смелость думать, что дети-безбожники у священнослужителей являются печальным результатом зачатия их или непосредственно до литургии, или тотчас после литургии, или под праздник, или великим постом. Вы смеетесь?! Смеяться над этим нельзя: этот факт неопровержимо свидетельствует о себе самом; а поэтому о нем нужно скорее плакать, чем смеяться»¹¹.

Во всем этом пассаже характерна сосредоточенность на контроле над настроением человека, на культивировании у него чувств и психологических состояний, но не на цельном, разностороннем подходе к проблеме воспитания детей и христианской личности. И это типично для российского обывателя той эпохи. Массовый человек скорее заботился о том, чтобы росту ребенка не помешал «сглаз», чем о том, чтобы окружать того по мере взросления всесторонней духовной и интеллектуальной поддержкой.

Автор высказывается против «естественного зачатия» как чисто животного акта, недостойного призвания человека. Из животного соития рождаются только животные, преступники и просто нелюди, «дегенераты». Он ссылался на свидетельства своих бывших подопечных, уголовных преступников и босяков: «Сеяли нас блудники, а пожали прелюбодейцев». Соответственно и в народе от таких рождений понижается мораль.

По о. Спиридону, соитие и акт зачатия должны быть религиозными, т. е. совершаться в соответствующем настроении. Мало того, беременная женщина должна постоянно читать Новый Завет, молиться и взывать «ежемоментно» к Богу, осеняя свои сосцы крестным знаменем. Она также должна «пламенно» читать Иисусову молитву. И, конечно, автору-монаху нужно убеждать будущую мать в важности «благодатного» кормления младенца грудью. Только у таких матерей могут вырасти гении и просто здоровые, бодрые люди. Он предупреждает о вреде кормления во время и тотчас после «половой страсти», из-за чего у ребенка происходят «сильный понос и головные боли». «Религиозная беременность» матерей, «религиозное кормление» ими грудью своих младенцев – внутренние состояния, которые привлекают на детей «Христову силу», рождающую «истинных христиан». Отец Спиридон сокрушается тому, что наши матери мало приобщаются к этой силе, которая только и может преобразить

¹⁰ Естественное, обыкновенное питание дитяти грудью [Запись от 19.12. 1927].

¹¹ Там же.

нацию в подобие Церкви. Он восклицает: «О, если бы христиански создавать ее в себе, тогда весь мир был бы совершенно другим миром...»

Здесь мы сталкиваемся с культивированием некоего утопического идеала, состояния человечества, которое можно построить чисто техническими средствами, пусть аскетического и благочестивого толка. Как известно, в «Утопии» Томаса Мора (XVI в.) прочность будущего брака достигалась посредством того, что невесту и жениха показывали друг другу голыми, дабы те столь диковинным образом могли сознательно сделать выбор спутника на всю оставшуюся жизнь. (При этом целомудрие до брака оберегалось посредством угрозы жестоких наказаний за его нарушение.) В аскетических и мистических рассуждениях архимандрита по поводу правильного зачатия, правильной беременности и правильного кормления грудью скрывается жажда «правильного», благочестивого, устройства общества, без которого оно обречено на гибель.

Нынешняя медицина также считает существенным для здоровья детей психологическое состояние их родителей перед и во время беременности и после родов. Однако формирование личности – процесс многогранный, непрерывный. Он не может обуславливаться какими-то отдельными деталями и правилами. И тем более для религиозного сознания очевидно, что «создавать в себе Христову силу» ради достижения Царства Небесного, как того жаждал миссионер Спиридон, невозможно в принципе. Эта сила не создается человеческими усилиями, ее можно лишь попытаться «привлечь» к себе и то лишь как дар божественного милосердия¹².

Можно согласиться с автором, что религиозность должна быть творческой силой, сопровождающей детство на всем его протяжении. Но мелочная регламентация ее проявлений отдает схоластикой и грозит выветриванием духа.

В связи с вопросом правильного/неправильного кормления грудью автор, словно Савонарола, доходит до точки эмоционального кипения, когда упоминает о практике «цивилизованного мира» привлекать нянь к кормлению младенцев грудным молоком. Он считает это признаком приближающегося всеобщего вымирания. Примером подобного губительного состояния для него является современная «гнилая интеллигенция», которую он сравнивает со смердящим болотом, кишущим «бациллами смерти». Он подчеркивает, что даже «скотское молоко» не опасно для детей, ибо у животных нет «тех злых волевых бацилл», какие обитают в злобных эмоциях раздраженной женщины-матери¹³. Но няни-кормилицы в данном отношении еще опаснее. Для о. Спиридона последние суть чуть ли не исчадия ада. По-видимому, в мещанской и рабочей среде, где миссионер проповедовал много лет, он мог наблюдать примеры духовной нерадивости у нянек, живших в людях. Во всяком случае, мимо его сознания прошли примеры противоположные¹⁴.

Зато в длинном ряду пристрастных обличителей пороков нашей интеллигенции отныне можно помещать и имя архимандрита¹⁵. В начале XX столетия, еще до появления сборника «Вехи» (1909) с его призывом к российским интеллектуалам и прогрессистам покаяться, филиппики подобного рода постоянно звучали со страниц многочисленных церковных изданий. Это не мешало Кислякову признавать своим духовным отцом церковного интеллектуала и широко образованного интеллигента профессора Экземплярского.

¹² Как известно, Аврааму, т. е. родоначальнику народа Завета, Бог может детей воздвигнуть из обычных камней. См.: Мф. 3:9.

¹³ См.: *Спиридон, архим.* Естественное, обыкновенное питание дитяти грудью. [Запись от 19.12. 1927.]

¹⁴ Известно, к примеру, что знаменитая Арина Родионовна (1758–1828), няня А. С. Пушкина, благополучно выкормила его старшую сестру Ольгу.

¹⁵ В этом он шел вслед за о. Иоанном Кронштадтским, обличавшим интеллигенцию. «Так называемые интеллигенты самовольно взяли на себя роль народных руководителей» ([*Иоанн Кронштадтский, прот.*] Автобиографическая беседа с сарапульскими пастырями // Святой праведный Иоанн Кронштадтский. В мире молитвы. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, 1994. С. 28.) О влиянии о. Иоанна на киевского миссионера см. ниже в тексте статьи.

В ряду невнятных, несправедливых и резко обличительных выпадов со стороны нашего миссионера стоит и поминание «масонов» в числе тех, кто привел Россию на грань гибели.

Упомянув о врагах Церкви, девятнадцать веков воюющих с нею, о. Спиридон безапелляционно заявляет, что они «делаются то масонами, то революционерами, то сатанистами, а потом кончают сумасшествием»¹⁶, повторяя в данном случае азы дешевой антиреволюционной (и одновременно антисемитской) пропаганды какого-нибудь «Союза русского народа». Сам же архимандрит в других местах своих писаний неоднократно и ярко высказывался в том смысле, что главной пагубой для христианской России являлись нерадивые христиане и их руководители. Что, конечно, является безусловной истиной, подтверждаемой многочисленными историческими свидетельствами.

В одном из своих ярких и полных боли описаний современных разорителей Церкви – от украинских самосвяттов до русских обновленцев различных толков – архимандрит от зарисовок конкретных бесчинств переходит к глобальному умозаключению. Он утверждает, что идеи церковной реформации «вытекают исключительно из одной идеологии, именно из идеологии иудейской, семитической – самого непримиримого, ярого и коварного врага Церкви Христовой»¹⁷. Несколькими строками выше он точными штрихами нарисовал базарный характер поставления самочинных «епископов», над которым пьяный священник читает молитву; упомянул о заигрывающих с идеей социальной революции церковнослужителях – все то, что имело место в русско-украинской реальности 1920-х годов. Но доморощенных горе-«реформаторов» вдруг увязывает с «иудейской идеологией». Что он имел в виду? Как всегда, когда о. Спиридон путается в источниках своей интеллектуальной рефлексии, в его образах и формулировках начинается опасное раздвоение смысла. Конечно, в своем описании он отсылал к традиционной церковной картине мира, в которой «иудейство» всегда было синонимом иерусалимской толпы первых лет нашей эры, толпы жестокой и фактически безбожной. Но эта отсылка накладывается у него и на миф об «иудео-масонском заговоре», широко распространенный с начала прошлого столетия в России. В какой-то мере, подсознательно и эмоционально, автор не отстранялся от сомнительной ассоциации, ибо, как и большинство тогдашних христиан (с той или иной степенью слепоты), не различал за ней духовной опасности.

Спиридон – во многом традиционалист-консерватор, таким он органично формировался и в детстве и в последующие годы самообразования. В этом он очень похож на знаменитого протоиерея Иоанна Кронштадтского. Архимандрит в своих писаниях часто подражает этому «всероссийскому пастырю»: его пафосу, его страстному прославлению Бога и обличению противников религии, нерадивости и лености духовной. Напряженная энергия восторга перед замыслом Всевышнего, возмущение равнодушием паствы и общества, неправой верой – черты, объединяющие этих двух священнослужителей. Для о. Иоанна есть лишь одна наука – умение «побеждать грех», но при этом в своих доказательствах правоты этой науки из наук, правильности религиозного подхода к жизни он стремится быть «научным». Его объемный дневник «Моя жизнь во Христе» (1894) пронизан наукоподобной риторикой, призванной доказать главенство религии, периодически затрагивающей и реалии современности. Вот как протоиерей описывает текучесть материи («вещества»), всегда при этом покорной Высшей неизменной воле:

«Нет ничего изменчивее вещества; оно изменяется в миллионы видов естественным образом, по законам Творца... Даже человек иногда в тысячи видов изменяет вещество. Что же сказать о Боге, создавшем всяческая? Свойство вещества – изменяемость. С духом разумным Господь этого не делает и не хочет делать: свойство духа есть неизменяемость... До бесконечности разнообразны формы растений, и все из одной земли... А тела животных – как они

¹⁶ Запись от 23.07.1928.

¹⁷ Там же.

разнообразны! Итак, свойство вещества – изменяемость; при этом условии и мир сотворен со всем разнообразием. Слава Единому вечно неизменяемому! Если бы вещество было неизменяемо, тогда не был бы Бог всемогущ»¹⁸.

Для архимандрита, не окончившего и четырехклассной школы, как и для кандидата богословия о. Иоанна, вся наука заключалась, прежде всего, во Христе («Христос – мое знание»). Записки киевского миссионера пронизаны стремлением воцерковить научное знание, включив его во всемирный, космический хор, славящий Творца. Постоянно, с какой-то одержимостью поминает о. Спиридон «космогонию», другие планеты и миры, которые при всем своем отличии от Земли, также пронизаны единым замыслом Бога. Он поминает биологию, астрономию, химию, периодическую таблицу Менделеева, зоологию, антропологию, геологию и все «остальные дивные науки», которые должны препоясаться любовью к Святой Троице!¹⁹ Более того, созерцая картины Страшного Суда, о. Спиридон не забывает отметить, что видел там и инопланетян, «бесчисленнейших жителей других миров»²⁰, и даже «мучеников за Христа из других миров»²¹.

Здесь уже сказывается влияние научно-популярных изданий первой трети XX века, всех этих бесчисленных «Научных обозрений» и «Вестников знаний» с их гимном науке, влияние новейшей фантастической литературы, превозносившей научное знание как новую религию. Но при этом цель подобных «инопланетных» образов в размышлениях о. Спиридона та же, что и у о. Иоанна Кронштадтского – возведение всего тварного многообразия к воле Св. Троицы, благословившей природу²².

«Птицы неумолчно оглашают всю поднебесную, – размышляет архимандрит. – Хорошо! Но ведь это “хорошо” мы очень мало знаем, мы знаем только его на крошечной нашей Земле, тогда как это живое “хорошо” существует и на других бесчисленных планетах, на которых есть так же, как и на нашей Земле, разумные существа, где есть, как и у нас, религия, и религия не какая-нибудь, а религия, объектом которой есть один и тот же Троицеславный Бог»²³.

«Я поражаюсь тому, что христианство распространилось неведомыми путями и на все миры вселенной»²⁴.

Во всех мыслимых и немыслимых формах и видах жизни «Голгофа Христа уничтожила ад»²⁵.

При этом, воспаряя умом в запредельные, хотя и сочиненные разумом миры, архимандрит с легкостью впадает в злободневность прозаических обличений. И опять же, подобно пастырю из Кронштадта, он жестко бичует словом протестантов на русской почве (баптистов).

В конце XIX века о. Иоанн Кронштадтский гневно писал о лютеранах:

«Столь... богоугодное дело – почитание святых икон – многие лютеране и англиканцы считают чем-то неестественным... идолопоклонством и ересью... Это ли вера евангельская?.. Нет, это самодельная церковь, составленная по произволу человеческого, под влиянием страстей человеческих и угождающая страстям человеческим; это “истина в неправде” (Рим. 1:18) ... Это не церковь, а душепагубное рассечение тела Христова»²⁶.

¹⁸ Иоанн Кронштадтский, *прот.* Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге. М., 1894. Т. 1. С. 78. Репр. 1988 (США).

¹⁹ См.: Запись от 25.05. 1928.

²⁰ Запись от 06.10. 1928.

²¹ Запись от 13.08. 1928.

²² Природа для Кислякова – «второе Евангелие». Он делает при этом одну оговорку: «иногда» она на него воздействует как евангелие, особенно весна, разогревающая чувства восторгом перед Создателем. См. записи от 8.03. 1928 и 26.04. 1928.

²³ См.: Запись от 10.05. 1928.

²⁴ Запись от 13.08. 1928.

²⁵ Запись от 06.10. 1928.

²⁶ Иоанн Кронштадтский, *прот.* Моя жизнь во Христе... Т. 2. С. 188–189.

Архимандрит Спиридон во второй половине 1920-х гневно пишет о баптистах:

«Такие церковные лица или общества, как баптисты, которые изгоняют детей из общественной христианской молитвы... являются скрытыми антихристами... Пусть эти христианские ироды, пустосвяты, невежественные дегенераты обратят внимание на евангельские слова [См.: Лк. 2, 41–42], авось гордая сатанинская чешуя спадет с их близоруких очей, и, быть может, они поймут, что Сам Иисус с родителями посещал ежегодно храм Господень. Впрочем, что о них говорить? Они по своему невежеству и косности своего сердца могут и на эти слова евангелиста сказать, что родители Христа в годы Его детства оставляли Христа в Назарете с нянькой, ибо от наших русских сектантов всего можно ожидать!»²⁷

Чтобы понять силу влияния традиционалиста-консерватора (и почетного члена «Союза русского народа») прот. Иоанна Сергиева на архимандрита Спиридона, стоит еще раз обратиться к упоминавшемуся выше пассажи с «неправильным» кормлением младенца. Архимандрит высказывает серьезную тревогу в связи с тем, что неблагочестивая мать в состоянии ожесточения или сразу после ссоры «с мужем или соседкой» (sic!) может покормить своего дитя молоком, наполненным флюидами ее злобного состояния, после чего тот может умереть. Миссионер замечает, что ему известны такие случаи. Откуда же у него такие сведения?

Его источник мы можем установить вследствие распространенности этого убеждения в церковном народе в эпоху поздней Российской империи. Об опасности «ядовитого» материнского молока упоминал протоиерей Григорий Дьяченко в своей эклектичной и широко популярной в свое время энциклопедии «Из области таинственного»²⁸. Он писал: «Descuret приводит случай, как, в продолжение четырёх лет, одна молодая женщина внезапно потеряла своих двух детей и одного грудного, потому что кормила их грудью немедленно после припадков сильного гнева». В свою очередь в примечании к этому пассажи Дьяченко отсылал к старому французскому источнику, сочинению «Медицина Страстей», изданному во времена правления короля Луи-Филиппа I, последнего из династии Бурбонов²⁹.

Весь эпизод, «доказывающий» связь между внутренним состоянием матери и пользой или пагубностью ее молока, говорит не столько об опоре на знание, сколько на внутреннее убеждение, на вековую религиозную традицию, на мировосприятие.

Это пафос сознания, ищущего опору любых явлений в вере, причем в вере в нравственное начало бытия. Всякая глобальная идеология чаще всего с легкостью поддается искушению подверстывать к системе своих проповеднических (пропагандистских) инструментов непрроверженные факты, предания, взятые на веру, ибо главное для идеологии – демонстрация «здорового смысла», который она претендует единолично представлять окружающим. Дьяченко собрал в кучу гигантский разнородный материал в целях апологии христианства, как значится в подзаголовке его книги. Собственно о. Спиридон (как и один из его образцов для подражания, о. Иоанн Кронштадтский, исповедовавший однажды архимандрита во сне) и был одним из апологетов христианства конца эпохи Российской империи и начала новой эпохи гонений на религию.

Он прожил 57 лет и всю сознательную жизнь выступал в защиту христианства, Церкви, евангелия. Он мог критиковать порядки в церковной ограде, жестко обличать руководителей

²⁷ Запись от 03.07. 1928.

²⁸ См.: Дьяченко Г., прот. Из области таинственного: Простая речь о бытии и свойствах души человеческой, как богоподобной духовной сущности с приложением рассказов и размышлений, приводящих к признанию духовного мира вообще. (Материалы для опытной психологии и естественно-научной апологии христианства.) Москва, 1900. С. 310.

²⁹ См.: Descuret J.-B. F. La medicine des passions. Paris, 1844. P. 56–57. Дескюре, Жан Батист Феликс (1795–1871), французский врач, писатель-моралист. Доктор медицины и доктор филологии. Более 30 лет практиковал врачом в Париже, участвовал в борьбе с эпидемией холеры (1836), за что был награжден орденом Почетного легиона. В его главный труд «Медицина Страстей, или страсти, рассматриваемые в их отношении к болезни, законам и религии» (опубл. в 1841) включены примеры из многолетней личной врачебной практики. Книга, получив большую известность, вскоре была переведена на испанский и итальянский языки. На русском вышла несколькими изданиями (1869–1870, 1877; отд. главы – в 1899).

Церкви, бичевать нравы паствы, общества, лидеров общественного мнения, культуру, однако он делал все, что мог, для оздоровления, укрепления и расширения христианского мира в его православном изводе. Для этой цели он применял все свои умения и способности. Отсюда берут начало его раздвоение и противоречивость. Резко выступая в записках против реформ в Церкви, которые, по его мнению, рождены из «идеологии семитической»³⁰, он на практике действовал как типичный реформатор. Речь идет не только об особенностях служения литургии (открытые царские врата) или проведения им общей исповеди, но и об устройстве Братства Иисуса Сладчайшего, которое он возглавлял. История же возникновения этого братства, методы пастырской работы архимандрита были вызваны необходимостью срочного противодействия натиску безбожия, секуляризма и дегуманизации, обрушившихся на человека в распавшейся Российской империи.

Вот что показал на допросе 21 ноября 1930 года друг архимандрита киевский священник Анатолий Жураковский:

«[Отец Спиридон ставил] себе целью широкую демократизацию Церкви, возрождение древних церковных обычаев, *реформу церковного быта...* Главное обвинение [архимандрита со стороны его епархиального начальства] было – идеология отца Спиридона, в частности, его чрезвычайно резкие суждения о войне и деятельности церковной власти. За последние годы братство жило своей обособленной жизнью – находясь под подозрением у духовенства за свой особый уклад, *особое служение (русский язык, открытые Царские врата и т. д.)...*»³¹

В 1919-м после выхода в свет первой книги архимандрита его противники среди духовенства выдвигали предположение, что за ним якобы стоят какие-то ученые кукловоды (из той же «так называемой интеллигенции»), направившие его волю и перо на критику Церкви. Это не соответствовало действительности. В стремлении что-то противопоставить драме агрессивной секуляризации, разворачивавшейся в бывшей православной державе, Кисляков, в самом деле, нашел в церковном Киеве единомышленников. Однако им двигала, прежде всего, практическая необходимость найти линию христианского поведения в условиях деморализации всех положительных, охранительных и творческих, сил в революционной стране. Если и можно сказать, что им кто-то руководил в его практической работе, то только указав на самую российскую (украинскую) реальность и те тяжелейшие задачи, разрешения которых она требовала.

Поразителен и эпизод с раздвоенным отношением о. Спиридона к аскетизму как важному принципу внутренней жизни Церкви.

В своей книге «Царь христианский» архимандрит заявлял о непонимании таинственной стороны брака, казавшегося ему слишком естественным по своей природе. Таким протестным образом он подчеркивал неотмирную природу Церкви, в которой не может быть ничего приземленного. В своих записках (через восемь лет) он кается в тогдашнем неправомыслии. Наконец он понял, что есть таинственная сила в «благодатном браке», в котором только и возможно «благодатное зачатие», приводящее к рождению будущих «граждан Царства Божия». К такому браку приводит осмысленная христианская жизнь, наполненная воздержанностью и молитвой, превращающих деторождение в своеобразный акт «доставки» на землю гениев и святых. Подобный брак, по нынешнему убеждению монаха, есть «семейное содружество ангелов», «совместный идейный аскетизм» и «истинное таинство»³². Дети увенчивают христианскую семью славой.

Даже девственные браки, в которых супруги, по тайному обету, живут как брат и сестра, стоят «далеко ниже» чадородного благодатного брака. И – мысль архимандрита делает резкий

³⁰ Запись от 23.07. 1928.

³¹ Проценко П. Г. К незакатному Свету. Анатолий Жураковский: пастырь, поэт, мученик. М., 2017. С. 235. (Курсив мой. – П. П.)

³² Запись от 11.07. 1928.

зигзаг и выносит жесткий приговор: «девственные браки» «являются сплошь и рядом плодом глубочайшей прелести». Такой брак, по видимости «подвижнический», он называет «болотным скоплением и грязенькой лужей тщеславного рекламного пустосвятства! Такой брак есть благочестивый онанизм и больше ничего»³³.

Каскад громовых обличений превращается в одну развернутую гиперболу, смысл которой заклеить бездетность в христианской среде. Косвенным образом вся эта тирада направлена, как ни странно, в адрес близких друзей Кислякова, священника Анатолия Жураковского и его супруги, Нины Сергеевны. Венчанные, они вскоре стали жить в воздержании, которое, по последним данным, было отчасти вынужденным (жена батюшки вследствие болезни не могла иметь детей).

В этом вопросе чувства архимандрита разрываются от непримиримого противоречия. Сам он признается, что «без религиозного аскетизма» его «я» умирает»³⁴. Но когда в безвыходной житейской ситуации его близкий духовный друг по необходимости обращается к аскезе в браке, о. Спиридон если окончательно и не осуждает этот тип брака, то подчеркивает его сомнительность и даже «прелесть».

Правда, мы ошибемся, если воспримем такую нелогичность результатом серьезного духовного опыта, к которому обычный человек, как правило, и близко не приближается. Нет. Перед нами всего лишь типичное ситуативное суждение о болезненных проблемах, глубоко задевавших автора записок. Более того, все они в каком-то смысле являются потоком подобных суждений, порой пристрастных, очень индивидуалистичных, порой направленных на что-то очень конкретное и единичное, что он хотел запечатлеть на бумаге и отношение к чему стремился обозначить.

В марте 1928 года о. Спиридон горячо настаивает на идее бессмысленности для христианина «заботиться об улучшении общественной жизни», ибо его жизнь заключена во Христе³⁵. Известно, что в это же время он подписывает письмо с протестом ряда киевских священников против коллаборационизма правящего киевского митрополита Михаила (Ермакова; 1862–1929). Более того, в январе того же года направил ему личное письмо с выражением несогласия...

Вообще противоречивые, часто совмещающие прямо противоположные утверждения, писания архимандрита невозможно понять, исходя из традиционных представлений о литературе. Все его тексты – набор ярких, кричащих в своей внутренней неразрешимости картин и образов, отчаянных свидетельств о болезнях мира, человека, общества, страны, Церкви, духовенства, своей души... Автором движет, прежде всего, желание высказаться об увиденном, пережитом и осознанном в момент столкновения с острыми проблемами действительности. Он стремится обозначить открывшееся ему духовное знание. Отсюда прерывистое, часто то фантазийное (как в «Царе христианском»), то логически сконструированное изложение понятого им в момент катарсиса. Он высказывается предельно искренне, и каким бы умозрительным, головным или рационально просчитанным ни было его высказывание, оно всегда покоится на главной движущей силе его личности – религиозной вере.

В его записках мы сталкиваемся с напряженным желанием обозреть узловые точки бытия, церковного «космоса», человеческой смятенной души на распутьях мира. Это именно высказывания о глубинных переживаниях его души и всех главных противоречиях жизни. Жизни как таковой, жизни на окраине родной ойкумены (село Казинка, Россия, Украина, Восток Европы), в глубинах мироздания и вселенской тьмы.

³³ Запись от 19.12. 1927.

³⁴ Запись от 13.12. 1927.

³⁵ См.: Запись от 20.03. 1928.

В темные зимние дни он вспоминает о том, что его «я», в поисках обожения, снисходит «в бездонно-глубинные шахты смирения Христова»³⁶. Весной, в праздничные даты Цветной Троицы он развивает этот образ и, обращаясь к Св. Духу, упоминает о вопле к Нему «заключенных в тюрьмах, в сумасшедших домах», «всех обиженных, оскорбленных, угнетенных, обманутых душ», «о слезах соблазненных людей», о страданиях «находящихся в шахтах, в рудниках и ссылках». «Все страдалцы и мученики в мире сем» полагаются на Утешителя³⁷. Перед отдаванием Пасхи он в молитве к Св. Троице вновь упоминает о необходимости спускаться вниз, «в бездонную, душную и тесную шахту глубочайшего смирения и полного самоотречения», чтобы затем подняться вверх³⁸.

Хотя записки автора не являются реакцией на актуальную современность, однако ранящие его душу реалии последней не могли не вызывать желания высказаться о гонениях на верующих, о страданиях, переполнявших народную жизнь под властью большевиков.

Затрагивая тему невинных страданий, о. Спиридон не мог обойти и главную боль всех неравнодушных христиан той эпохи: массовое отступничество, позорное существование в новом гражданском бесправии. В это состояние гибели русские люди пришли, осквернив себя дурной жизнью, полной богохульств, «убийств и разврата», хулой на Бога и изменой Ему.

Станным образом, архимандрит очерчивает тему нравственного падения соотечественников общими словами, не сообщая конкретных деталей тех страшных лет. В конце концов, речь он вел о гибели не только общества, но и народа веры, а значит о приблизившемся конце истории для России.

При этом главную вину за пагубу, нисшедшую на родину и Церковь, он возлагает на духовенство. «Мы, пастыри Церкви, больше всех виновны пред Тобою в их [сынов и дочерей родины] духовной смерти. Нас лучше накажи, чем их»³⁹.

Затрагивая тему гибели страны и Церкви от греховной скверны, в которую погрузился народ, архимандрит неожиданно обращается к надежде, высказывая свое понимание мессианской роли России. По порокам своим она должна быть предана огню вечной гибели, как библейские Содом и Гоморра, но по молитвам святых, предстоящих пред престолом Св. Троицы, ей дано очиститься от своих беззаконий и уподобиться блудной овце, вернувшейся к Пастырю⁴⁰.

Он не скрывает своего восхищения «мощным русским народом», надеясь на его скорое восстание из бездны:

«Как же Ты бесконечно любишь Россию! – обращается он к Творцу в другом месте своих записок. – Да ведь ее, Господи, нельзя и не любить, ибо она по какому-то неведомому року является спасительницей для всего человечества. Об ее голову разбилась татарщина, наполеоновщина, а теперь разбивается и пресловутый социализм»⁴¹.

Такой восторженный взгляд на назначение России, как ни странно, оказался популярным в начале 1920-х среди «так называемой» (все той же!) интеллигенции, оказавшейся в эмиграции. Разделялся он одно время и в кругах церковных интеллектуалов внутри страны – до тех пор, пока эти круги не были перемолоты жерновами гонений. Наблюдая религиозное оживление в различных слоях советского общества периода нэпа, «недобитые» культурные и верую-

³⁶ Запись от 18.12. 1927.

³⁷ Запись от 19.04. 1928.

³⁸ Запись от 8.05. 1928. В этих образах он в некотором смысле предсказал будущие лагерные испытания его друга, священника Жураковского, около года трудившегося в одной из таких шахт на Беломорско-Балтийском канале.

³⁹ Запись от 07.03. 1928.

⁴⁰ См.: Запись от 07.05. 1928.

⁴¹ Запись от 07.03. 1928.

щие люди надеялись на законы истории, до сих пор ведущие человечество путем прогресса, невзирая на периодические кризисы⁴².

Разделяя это убеждение в неотвратимой победе Церкви над ее врагами, веры в светлые истоки бытия над злобой и темными страстями людей и партий, архимандрит при этом обличал верующих в двусмысленную «силу прогресса» обновленцев, сторонников новой, «красной», церкви. Они, вслед за победившими в Гражданской войне коммунистами, считали, что законы истории неумолимо обрекают на отмирание старые правящие классы и староцерковников (сторонников патриарха Тихона и канонической Церкви). В 1922 году большое число православного духовенства поддержало реформаторов внутри своего клана, которые объявили о создании новой церковной организации, одобряющей социальную революцию как ориентированную по своей природе на осуществление учения Христа. В своем журнале они декларировали такой принцип отбора сторонников: «Выделить из общей массы православного духовенства и мирян тех лиц, которые признают справедливость Российской Социалистической Революции», и требовали от большевистской власти оградить своих приверженцев от «церковных решений и служебных кар со стороны патриаршего управления»⁴³.

Отец Спиридон в начале 1920-х был активным борцом с обновленцами Киева. Он не колебался в выборе между двумя «историческими законами» – верой в Бога и верой в классовую утопию и социальный прогресс. В своих записках он возвращается к давней больной теме – подмене веры сановниками Церкви, предшественники которых, как считал миссионер, на заре нашей эры распяли Христа. Длинную молитву к Св. Троице, являющуюся одновременно и блестящим гневным памфлетом, он посвящает обличению предательства «обновленного» духовенства, во все времена поклоняющегося очередному кесарю. Он блестяще подмечает властолюбие церковной бюрократии, неизменно выступающей на стороне сильных мира сего и выполняющей очередной социальный заказ:

«Боже! – вызывает киевский монах. – Ты один знаешь всю бездну преступления, ныне совершаемого архиереями и пастырями Твоими по отношению к Тебе!.. Они, за исключением немногих, почти все признали социальную революцию как правомерный, неизбежный, законный исторический процесс... В одном этом признании они, злополучные, без отречения отrekliсь от Тебя!.. Они, благодаря ли своему невежеству или просто по внутреннему своему неверию в Тебя... в своем признании социальной революции признали **должное и необходимое крушение** (подчеркнуто о. Спиридоном. – П. П.) не только христианства, но и даже всякой религии, всякой морали... Другими словами, признание социальной революции есть признание необходимого и должного ниспровержения Тебя...

...И наши митрофорные, саккосфорные властолюбцы, наши неверующие епископы, подлые и низкие карьеристы, наши антихристы в митрах, саккосах, наши некоторые духовные профессора решились признать эту социальную революцию и из-за нее объявить Тебе... войну. Они говорят: “Раз она [революция] есть, то, значит, нельзя ее не признать”. Безумные! Они даже не отличают значение [слова] «признать» от реального его содержания: признать – это значит добровольно ей [революции] во всем содействовать, освящать ее именем Христа, за нее полагать свою жизнь и т. д. Вот что значит признать. Другое дело ее осознать, осмысливать как существующий или могущий существовать факт. И больше того, осознать и осмысливать ее – это принять смерть за Христа. Вот как нужно смотреть на вещи, а не так, как эти церковные предатели Господа, эти новые иудушки... Гнусное пресмыкательство перед грубой силой государственной власти. Кроме сего, они по своему грубому невежеству, даже в самой

⁴² Описание этих внутренних процессов раннего подсоветского общества первой половины 1920-х см. в: Проценко П. Г. К незакатному Свету... С. 304–308.

⁴³ Живая Церковь. 1922. № 4–5. С. 10.

истории нашли какие-то ее законы и благодаря такому великому их открытию... социальную революцию окрестили “правомерным, законным историческим процессом”. Увы!..

Я краснею от стыда за этих ученых церковных недоносков... Они думают, что... могут... судить историю... прошлое делать настоящим, даже и будущим, и настоящее и будущее прошлым...»⁴⁴

Архимандрита возмущают игры с трактовкой истории в угоду идеологической конъюнктуры⁴⁵. Еще больше его поражают церковные хамелеоны, для которых будущее определялось установками мирской власти.

Вся эта молитвенно-обличительная тирада должна читаться не только в контексте недавней борьбы с обновленчеством «Красной церкви». Она рождена и начавшейся в 1927 году полемикой с новыми коллаборационистами, т. н. сергианами, пошедшими на проигрышную сделку со сталинским Политбюро. В своем обличении духовных «ехидин» о. Спиридон далее обрушивается на баптистов, которых уличает в двуличии и услужении большевикам. В словах, посвященных им, много желчи⁴⁶. Но воистину поразительно следующее его прозрение в нынешние времена (отделенные от момента написания текста без малого столетием).

Он вновь обращается к Св. Троице и так говорит о еще одной опасности, открывшейся его умному взору:

«Вот теперь сатана поражает христиан слева; правда, это поражение большое и для христиан позорное; но оно явное, открытое. Но что с нами будет, если он будет поражать нас *справа*? Что будет с представителями Твоей Церкви, если на смену сей, открытой, обнаженной власти, такой власти, какая она есть на самом деле, придет другая форма власти в костюме христианском? О, ведь тогда все признают ее и не только признают, но и преклонятся ей, и будут совершать ей Божественную литургию!!! Вот когда диавол восторжествует, вот когда он будет торжествовать и радоваться, ибо только тогда он заменит настоящего Христа другим „христом“, „христом“ мира сего. О, тогда и только тогда все духовенство скажет: „Вот наше спасение, вот наше избавление!“»⁴⁷

Мнимое будущее покровительство Церкви будущими светскими властелинами в «костюмах христианских» представляется архимандриту верхом ухищрений зла, и он просит Всевышнего о снисхождении...

Одновременно архимандрит предчувствует, что преодоление соблазна социализма укрепит российское общество, сделав его поучительным примером для народов мира, которые тогда, обняв русских, скажут в их лице всей России:

«Премудрая ты наша сестра, спасительница наша, мы все преклоняемся перед тобою и вручаем себя твоему христианскому руководительству»⁴⁸.

Тогда-то «свет засияет» над миром. Правда, это станет возможным, когда Христос спасет Россию. На это и возлагает свое упование миссионер.

Комплекс подобных переживаний имперского патриотизма ярко проявился в нашем обществе в начальный период вступления Российской империи в Первую мировую войну. Тогда архимандрит их также разделял – пока на фронте не столкнулся с оборотной стороной

⁴⁴ Запись от 18.05. 1928.

⁴⁵ Первый советский историк-марксист М. Н. Покровский утверждал: «История ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет». С ним, в частности, косвенно полемизирует о. Спиридон.

⁴⁶ Архимандрит обращается к «баптизму»: «Ты, всегда осуждавший православную Церковь за разрешение ею войны, *сам же во имя социальной революции кровью своею подписался воевать со всем миром* и воевать не на жизнь, а прямо на смерть! А это что значит? Не есть ли это еще бесконечно большее предательство Христа, чем предательство нашего православного духовенства?» (Запись от 18.05. 1928). Курсив мой.

⁴⁷ Там же. Курсив мой.

⁴⁸ Там же.

мировой бойни и не ужаснулся бессмысленным ее жертвам. Но умершие чувства ожили под новым идейным соусом.

Ожиданию скорого восстания нации из мертвых мешала грустная окружающая реальность. Отец Спиридон, взывая к милосердию Спасителя, оговаривается: «Правда, в настоящее время появились многочисленные полки в России не только взрослых, но даже, что ужасно, и детей обоего пола, которые, потрясая обнаженными мечами в воздухе, грозят войною Тебе, истинному Богу, чтобы свергнуть Тебя с небес»⁴⁹.

Конечно, имеются в виду акции «Союза безбожников», который как раз в 1927–1928 годах готовился к активизации деятельности и вовлечению в свои ряды школьников всех возрастов⁵⁰. Все это обсуждалось в советской печати, и верующие справедливо чувствовали надвигающийся вал новых бедствий. Отец Спиридон не был слеп к опасности, но, как всегда у него, чувство близящегося всеобщего избавления от плена греха побеждало и вселяло оптимизм. «Господи, Ты только взгляни на них оком милосердия, как тотчас все их мечи превратятся в их руках в светлые кресты исповедания...»⁵¹ – восклицал он.

Уверенность его происходила от собственной готовности к страданиям за веру и даже жажды их:

«Чего мне как христианину бояться в сей жизни? Лишат свободы? Посадят в тюрьму, будут мучить голодом и холодом? Но что этим мир сделает мне, когда Ты, Всеблагословенный, будешь все это знать обо мне и будешь заботиться о моей жизни? Ну, будут бить меня, мучить, заражать той или другой болезнью... Отсекут враги христианства руки мои и ноги мои и в таком состоянии оставят меня жить на земле?.. Если у меня вырвут глаза, отрежут нос, язык, уши и так меня оставят, то чего же я этим лишусь? Жизни? Да ведь я и так рано или поздно все же ее оставлю... Мое “я” и после моей земной смерти будет жить»⁵².

Он готов стать мучеником, потому что гонимым будет еще больше любить Бога.

«Если я ради Тебя, – горячо обращается монах к Святому Духу, – отрываюсь от матери, от отца, от жены, от детей, от друзей и, наконец, от самого себя, то уже через это одно я спасу свою маму, отца, жену, детей, спасу своих друзей и спасу себя самого»⁵³.

Мать автора к тому времени давно умерла, жены и детей у него нет и быть не могло, но столь типичным для себя преувеличением он подчеркивает выгодность для христианина жертвенного выбора и ничтожность плотского страха⁵⁴.

Конкретно-исторические реалии возникают на страницах записок архимандрита лишь обрывочно, упоминаниями, намеками или в виде обличений. В частности, его патриотические чувства к родине проявились и в оде Сибири, с которой у него связаны воспоминания юности и начала его миссионерского служения⁵⁵. Одическое настроение возникает у автора после мысленного восхождения на Алтайские горы, откуда открывается вид на темное небо с бесчисленными звездами. Это очередной повод восхвалить премудрый план Творца-устроителя. Затем монах бросает взгляд на сибирские просторы и захлебывается от волны местного пат-

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ В 1929 г. движение это превратится в «Союз воинствующих безбожников», внутри которого возникнет и организация «Юных воинствующих безбожников (ЮВБ СССР)».

⁵¹ Запись от 07.03. 1928.

⁵² Запись от 29.04. 1928.

⁵³ Там же.

⁵⁴ К этому своеобразному рационализму жертвенности он обращается неоднократно. «Я... для Тебя готов и в тюрьмах сидеть, и быть мучимым, терзаемым... Готов... выдержать все свои нервы, раздробить все члены свои и превратить их в порошок, чтобы всем этим усыпать путь перед Тобою и залить его собственной моею кровью... чтобы... стяжать Твое благоволение» (Запись от 12.05. 1928).

⁵⁵ Годы служения Кислякова в Сибири совпали с началом новой экономической политики центральной имперской власти, инициированием широкого переселенческого движения, начатого реформой П. А. Столыпина, резко изменившей жизнь сибиряков.

риотизма, перечисляя края, в которых побывал во время служения. Восхищается не только «дивным озером Байкал», но и Акатуйской каторгой. Все там достойно удивления и восторга. Переполюющим его чувствам представляется великое будущее Сибири, в которой, по ощущениям, культура вскоре достигнет «кульминационной точки». Но изобилие сибирской земли, разнообразие талантов ее народностей даст плод только тогда, когда они познают Отца Небесного и будут освящать себя именем Его Сына.

Архимандрит молится об этом, и ему видится, что «в Сибири... христианство вступит на свой истинный путь», потому как учение Христа будет переживаться верующими в Него «не умом и мыслями, а самым делом и жизнью». Тогда русский народ встанет «из праха приниженности своей» и наводнит собой всю Сибирь и Азию. Но это случится, только если Вседержитель благословит русский народ и усыновит его. «Сибирь, люби своего Бога Отца, – восклицает монах Спиридон, – и ты велика будешь и высоко превознесешься»⁵⁶.

Сейчас этот гимн сибирякам, спустя почти столетие после его написания, воспринимается как неосуществившееся прорицание. Обильная земля, полная материальных богатств, одаренная самобытными людьми, не устроена, отравлена бездарным хозяйствованием и обезлюжена.

Такое же расхождение между остротой внутреннего зрения, умеющего различать важные для совести моменты душевных переживаний и состояний, и близоруким пониманием духовных путей человека в борьбе за свою личность мы наблюдаем на всем протяжении записок архимандрита. Причины этого кроются в подспудном стремлении о. Спиридона к достижению целей евангелия уже в этом мире и в грандиозном всеобъемлющем масштабе. Это тот случай, когда сила индивидуальной веры и порожденного ею оптимизма столь велика, что начинает искажать перспективу духовной реальности. Хмель надежд пьянит сознание.

Это сказалось, в частности, на переживании о. Спиридоном приближающейся встречи с последним, Высшим судом и на видениях картин ада.

Прежде всего, нужно еще раз очертить состояние, внутреннее и физическое, в котором находился он к моменту и во время написания своих записок.

Образы ада и Суда

В 1926 году он так сильно заболел, что мог уже не вернуться к церковному служению. В тексте записок он неоднократно упоминает о своем болезненном состоянии: «Путь моей жизни на земле приходит к концу»⁵⁷, «Жизнь моя висит на волоске...»⁵⁸, «Могила уже приблизилась ко мне...»⁵⁹, «Я ослабел; здоровье мое пошатнулось»⁶⁰.

По всему корпусу его записок рассыпаны многочисленные признания своей греховности и сокрушение об этом. Особенно его удручает немощь собственной воли и духа. Чтобы исцелиться от нее, он принял монашество, но «с этого именно момента все свои прежние грехи еще в тысячу раз больше увеличил в себе». Он буквально бичует себя психологически: «С того дня и по сие время я сделался по своим грехам абсолютным сверхсатанистом, я всю Твою божественную литургию смешивал со злом, со своею греховною жизнью»⁶¹. «При одном воспоминании о моем прошлом цепенеет дух мой, и я сам для себя бываю невыносимым адом, – кон-

⁵⁶ Запись от 21.02. 1928.

⁵⁷ Запись от 8.01. 1928.

⁵⁸ Запись от 28.03. 1928. Хотя это упоминание стоит в контексте переживаний собственной греховности, но есть в нем указание и на физическую немощь, проявляющуюся при контактах с «внешними» людьми. Здесь же он восклицает: «Подожди меня, я скоро окажусь с Тобою...»

⁵⁹ Запись от 26.05. 1928.

⁶⁰ Запись от 8.08. 1928.

⁶¹ Запись от 31.01. 1928. В другом месте (16.12. 1927) он восклицает: «Монашество меня не спасло».

статирует архимандрит и продолжает: – Я ведь с самого своего детства был богохульником... предавался всяким самым гнусным формам разврата, естественным и противоестественным; я всегда лгал, никогда не говорил правды, обманывал всех и каждого, я убийца из убийц, я детоубийца, я детораствитель, я разбойник из разбойников, я кровосмеситель, я волхв, я чародей, я разрушитель бесчисленных семейных жизней... попутель всего христианского... я в человеческом облике сам диавол»⁶².

Такие признания находим у него всюду. Конечно, нужно брать во внимание, что перед нами отчасти типичные (и поэтические) преувеличения, вытекающие из покаянного настроения автора. Сгущенные краски нужны ему для того, чтобы показать молниеносное очищающее действие покаяния, а также безмерность божественного снисхождения. Ср. схожее настроение в гимнах преподобного Симеона Нового Богослова: «Противоестественными делами я превзошел всякое естество и явился худшим бессловесных: всех животных морских и всех скотов земных... поистине сделался хуже гадов и зверей... никто другой не согрешил пред Тобою, как я...» и т. д.⁶³

И все же нельзя не понимать, что столь интенсивное сокрушение о своем падении накладывало свой отпечаток на состояние автора. Глядя же на паству, он видел, как ее раздрают внутренние противоречия и как она готова принять антихриста, в силу своей внутренней раздвоенности. Он так описывал ее религиозную неустойчивость и шаткость настроения:

«Одни мои овцы проникнуты теософией, другие оккультными науками, третьи спиритизмом, четвертые рационализмом, пятые социализмом, шестые материализмом, седьмые пантеизмом, восьмые полны тупым безразличием к различению добра и зла, девятые совершенным нигилизмом, а десятые уходят из паствы, становясь в ряды открытых богохульников, и только ничтожное количество остаются преданными Тебе».

Мы знаем из скудных свидетельств современников, что Братство Иисуса Сладчайшего состояло из самых разнородных по настроению людей, более того, частично из людей, пришедших туда из неправославных конфессий. Однако эти люди долгие годы совершали служение ближним, беднякам, находящимся в нужде, и все это под омофором православия. И все же архимандрит Спиридон, боясь, что его подопечные примут «христа мира сего», спрашивал себя в тревоге: «Что же ожидает христиан в будущем? Чем же будет тогда христианство?»⁶⁴

Неудивительно, что он ищет последнего суда над собой и последнего Суда над миром.

«Господи, суди и меня», – просит он⁶⁵.

Еще одно формально внешнее обстоятельство оказывало давление на душу и нервы автора во все время, пока тот вел свои записки. 29 июля 1927 года в правительственной газете «Известия» появилась т. н. «Декларация... об отношении к советской власти», подписанная именем Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Сергия (Страгородского; 1867–1944). В ней впервые каноничный церковный руководитель выдвигал критерий верности земной родине, пусть и агрессивно-атеистической, как необходимую составляющую чистоты православия. Он призвал верующих быть «лояльными» гражданами СССР, и радости последнего считать своими радостями. Небесная родина отныне не единственная цель для верующих. Чтобы сохранить земные интересы Церкви, им важнее «вывести ее на путь легального и мирного существования».

С этой позицией не согласилась часть Церкви. Близкий друг архимандрита священник Анатолий Жураковский одним из первых написал подробный разбор «Декларации», получивший широкое хождение в церковном самиздате тех лет. Через несколько лет на одном из допро-

⁶² Запись от 11.04. 1928.

⁶³ Божественные гимны преподобного Симеона, нового Богослова. Пер. с греч. иером. Пантелеимона (Успенского). Сергиев Посад, 1917. (Фототипическое изд., 1989.) С. 24. Гимн № II.

⁶⁴ Запись от 6.03. 1928.

⁶⁵ Запись от 24.08. 1928.

сов в ОГПУ он так кратко обозначил суть своих расхождений с временным главой РПЦ: «...я воспринял и воспринимаю учение м. Сергия, его декларацию не как политическое выступление, а как ересь низвержения нравственных устоев Евангелия»⁶⁶.

В начале 1928 года в Киеве образовалась группа духовенства, отказавшаяся почитать за богослужением имя митрополита Сергия. В эту группу, кроме Жураковского, вошел и архимандрит Спиридон. Она подвергалась постоянным утеснениям со стороны «органов». Самым тяжким, однако, оказалось для обоих духовных друзей не столько давление со стороны советской власти, сколько разделение внутри киевской церковной оппозиции. Позже Жураковский так это описал в своих показаниях:

«Скоро обозначилось резкое личное расхождение между мною и архимандритом Спиридоном, с одной стороны, и другим духовенством той же ориентации с другой... Причиной к расхождению, вернее поводом, послужили, с одной стороны, особенности служения архимандрита Спиридона, с другой стороны его книги. Мне кажется, впрочем, что истинная причина в том, что весь уклад церковной работы архим. Спиридона и моей был неприемлем для других священнослужителей, казался им сплошным новаторством, попранием сложившихся традиций. Отсюда резкое расхождение с нами вплоть до запрещения прихожанам посещать [наш] храм. Эти расхождения послужили причиной внезапной смерти архимандрита Спиридона»⁶⁷.

В конце 1927-го и в 1928 году, времени писания этих записок, нестроения накапливались, чтобы затем обрушиться на архимандрита со всей силой. Священники, состоявшие с ним в одном церковном сообществе, стали писать на него жалобы не только церковному начальству, но и в ОГПУ. Дело заключалось не в «новаторстве», а в том, что религиозная вера для оппонентов о. Спиридона являлась материалом для построения «православной идеологии». Тогда как для киевского миссионера вера была призывом к творческому и свободному осуществлению Евангелия.

Припоминание старых грехов о. Спиридона со стороны его формальных единомышленников в момент общего противостояния церковному коллаборационизму было проявлением своего рода изощренной беспощадности к своему собрату, элементом безжалостного суда над ним, похожим на приговор к вечному адскому огню.

И это при том, что мировосприятие главы Братства Иисуса Сладчайшего, как мы видим, являло собой причудливое соединение ортодоксальной консервативности и свободолюбия, направленное к всемерному проповедованию церковных истин обществу и миру.

Уже в июльских записях 1928 года появляется (во сне) видение мировой жизни, «охваченной стихийным огнем». Архимандрит понимает этот огонь как «образ действия Христовой Церкви в мире, которая готовит его к претворению в Царство Божие»⁶⁸. Ожидание личного и всеобщего спасения через Церковь, подготавливающей человечество к переходу в новый мир, выливается у о. Спиридона в жажду суда над собой, своей личной и всеобщей греховностью.

Наконец с 1 августа (ст. ст.) он погружается в «глубокое созерцание суда Господня». Показательно для понимания характера записей видений «вечных мук» выделение их в отдельную часть, в заглавии которой автором подчеркивается субъективная интерпретация слов апостола о восстановлении творения в райском состоянии через Божественный Суд (См.: Деян. 3:21). Мы имеем дело не с типичным духовным озарением, когда подвижнику свыше нисходят видения горнего бытия, а с сознательным конструированием и рациональным представлением того, чего заслуживают грехи человеческие. Перед нами не видения в собственном смысле этого слова, а видения, сконструированные сознанием автора и представленные в виде назидания. Судебный процесс, им описываемый, развивается по логике школьного «Закона

⁶⁶ Проценко П. Г. К незакатному Свету... С. 517.

⁶⁷ Там же. С. 532–533.

⁶⁸ Запись от 21.07. 1928.

Божьего», в котором, со ссылками на Писание и Предание, излагается порядок расплаты за дурное устройство и поведение личности.

В раннесредневековых «Мытарствах блаженной Феодоры» (вт. пол. X в.) изложена классическая схема посмертного прохождения души через горнило суда и очищения. В них мы можем видеть жесткий юридический подход к грешнику, выдаваемый по недоразумению за мистическое потустороннее явление сверхразумного взвешивания пороков на весах Правосудия. По существу, каждый содеянный грех влечет за собой вечное осуждение, ибо последствия его предельно разрушительны и для личности и для всего космического бытия. Лишь при покаянии, правильном смиренном благочестивом поведении грешника в земной жизни и при наличии святого заступника (в данном случае наставника блаженной, преп. Василия Нового) у него есть шанс на снисхождение и пропуск в вечность. Только в силу наличия перечисленных выше условий св. Феодора достигает Небесных врат, покрытая, по молитвам своего бывшего духовника, милосердием Всевышнего.

Она проходит через двадцать мытарств, через своего рода судебные процессы над двадцатью смертными грехами, могущими погубить бессмертную душу человека и свести ее в ад. Архимандрит Спиридон созерцает последствия 37 смертных грехов и видит, как повинные в них бесчисленные сонмы душ мучаются в геенне огненной. День за днем (запись за записью) он видит непоправимые последствия дурно проведенной жизни. «Каждый грех есть величайшее зло, – констатирует он, – а последнее есть вражда против Бога, в чем и заключается всяческая гибель твари»⁶⁹.

Злые души, ненавистники, завистники, корыстолюбцы, властолюбцы, лжецы, обманщики, льстецы, лицемеры, ленивые, тщеславные, честолюбцы, скупые, бессердечные, клеветники, убийцы, блудники, прелюбодеи, смехотворцы...

Все, кто на деле поработен этими и другими пороками, заслуживают не только физической смерти, но и смерти абсолютной. Как и в Писании сказано: «Возмездие за грех – смерть» (Рим. 6:23). Обратим внимание, что в перечень смертных грехов, по архимандриту, входят не только делатели порока, но и, к примеру, насмешники, то есть те, кто готов цинично издеваться по любому поводу. Неужели и за это человек подлежит вечной гибели? Но автор здесь следует лишь традиционным спискам грехов монашеских требников. Архимандрит твердо знает, что любой грех погубителен и любой человек не свободен от греха.

Описание мучений грешников, виновных в каком-то одном смертном грехе, фактически повторяет известные еще со Средневековья картины пыточной расплаты за плохое поведение. Отец Спиридон, как правило, подробно описывает муки грешников, ужасается им, плачет над ними и вместе с ними⁷⁰. Единственным отличием от древней традиции живописания душевредящих наказаний служит изображение смертной тоски грешников и их жажды прощения. В этом настроении их поддерживает архимандрит, который покидает очередной круг пыточных адских камер в уверенности, что столь интенсивные вопли падших не останутся без ответа и конечного высшего милосердия.

Картины казней, которыми расплачивается грешник за дурную земную жизнь, являются фабулой последней части книги.

⁶⁹ Запись от 10.08. 1928.

⁷⁰ В здании над Ближними пещерами Киево-Печерской лавры имеются две фрески Страшного Суда и мытарств (XIX в., стиль религиозной народной живописи). В конце 1917 – январе 1918 г. в Лавре часто бывал архим. Спиридон. На одной из фресок в ее верхней части изображен Христос на престоле, а слева и справа от него две толпы из праведников и грешников. От Праведного Судии в обе стороны разворачиваются свитки с надписями из Евангелия: «Войдите в радость Господа своего» (Мф. 25:21) и «Идите от меня, проклятые, в огонь вечный» (Мф. 25:41). На фреске с мытарствами изображаются – в соответствии с видением блж. Феодоры – каждое из 20 мытарств и два ангела, отбрасывающих, в знак прощения, грамоты с описанием конкретных грехов. Приношу благодарность киевскому библисту Ю. А. Вестелю за описание фресок в частном письме.

По Спиридону, ужасающие муки в потустороннем бытии – естественное продолжение и завершение земных безобразий имярека. Это – концентрированное выражение нелюбви, ставшей природой грешников. Наблюдая их отчаяние, расспрашивая о причинах их печального положения, монах подчеркивает безвыходность путей преступников, бесконечность состояния пагубы, в котором они оказались. И каждый раз вопль отчаяния погибших завершает очередную такую встречу. Каждый раз этот вопль не остается без ответа монаха Спиридона, подающего им надежду...

Но чтобы из обычной еще своей земной жизни попасть на место мучений Страшного Суда, архимандрит день за днем ищет встречи с «созерцательной силой», с неким вдохновением, озарением Святым Духом, Который переносит его в мир иной⁷¹.

68 последних записей (глав)⁷² посвящены картинам ада и Суда. Каждый раз автором поначалу овладевает некое беспокойство, маета духа, а то и просто головная боль, он ищет местность, где обычно происходит его встреча с загадочной «созерцательной силой», вводящей его в потусторонний мир.

Можно предположить, что сила эта приходит к нему тогда, когда его сознание очищено от влияния помыслов и молитвенно сосредоточено. «Спрашиваю себя, – записывает о. Спиридон, – что такое созерцательная сила?» И отвечает:

«Вдохновение? Нет, это не вдохновение. Фантазия? Тоже нет! Творчество? Тоже нет.... Созерцательная сила в высшей степени зависит от чистоты совести: чем чище совесть, тем она сильнее и решительнее проявляет свое действие; кроме того, она не всегда и появляется в человеке... Бывают случаи, когда я чувствую себя находящимся во вдохновении, а созерцательной силы в себе не ощущаю. Правда, эта сила близка к экстазу, но все-таки она и не экстаз! Вот и сейчас я два часа ожидаю ее в себе, и ее нет. Но вот она появляется, и я всецело нахожусь под ее обаянием»⁷³.

Время встречи блуждающее: утро, день, вечер, ночь. Иногда все случается после долгих часов ночного бодрствования, иногда сразу после утреннего пробуждения, порой после литургии (литургия, бывало, оканчивается в «четыре часа вечера»⁷⁴). Иногда эта «сила» обозначается им как «возлюбленная спутница»⁷⁵, а то и «одигитрия»⁷⁶. В любом случае та поднимает его над будничным миром⁷⁷ и с вышины открывает «страшное зрелище суда Господня над всем сущим».

В день Успения Богородицы и с ее помощью он видит суд, совершающийся не только над землянами, но и над неодушевленными «космическими солнцами, планетами, кометами и метеорами».

«Молитвенное место» («мое любимое место»), где автора настигает озарение, как правило, находится в лесу («по обыкновению, молитвенно стал перед любимым моим деревом»). Однажды последнее оказалось срублено крестьянами, и автору пришлось искать новое место и новое дерево⁷⁸. Еще до этого эпизода в одну из ночей конца августа он бежит босой в глубь леса и там, встав под «одной сосной», созерцает суд Господень.

⁷¹ Упомянув этот термин, архимандрит, прежде всего, отсылает к известной формуле преп. Исаака Сирина: «Созерцание есть ощущение Божественных тайн... духовное воззрение ума для того, чтобы постигать, что было и будет, и от всего приходиться в изумление» (Исаак Сирин, преп. Слова подвижнические. М., 1854. С. 17. Слово 2. О благодарности Богу, с присовокуплением краткого изложения первоначальных учений).

⁷² Соответственно и дней: с 1 августа по 7 октября, когда текст обрывается.

⁷³ Запись от 19.09. 1928.

⁷⁴ В праздник Рождества Богородицы, 8.09.1928. Напр. 23.09 ст. ст. литургию он оканчивает служить в 11 часов утра.

⁷⁵ Запись от 6.10. 1928.

⁷⁶ С греч. – «путеводительница». Запись от 7.10. 1928.

⁷⁷ «Влечет» (Запись от 6.10. 1928).

⁷⁸ См.: Запись от 14.09. 1928.

Когда автор встречается с высшей силой, та переносит его в «богоотчужденность». Этим неологизмом он обозначает мистическую тьму, полное отъединение от Творца, где мучаются сонмы грешников.

По собственному признанию, он чувствует близость Бога более всего на природе (даже сильнее, чем в храме во время совершения литургии). Архимандрит всегда стремится из города на природу и даже задается вопросом об истоках своей постоянной жажды отшельничества: «От Тебя ли это чувство во мне или оно является реакцией моей утомленности от городской пастырской жизни?»⁷⁹

Еще об истории написания текста и его подоплеке

Но наяву ли, реальным ли было это регулярное, каждодневное, еженощное бегство в глубь лесной чащи на протяжении нескольких месяцев? Мог ли автор, к примеру, среди ночи спохватиться и броситься на поиски излюбленного «дерева»?⁸⁰ Скорее всего, мы имеем дело со своего рода литературным образом. То, что перед нами не типичное визионерство, подтверждает и характер записи картин ада. Они сделаны из обратной перспективы припоминания, создающей ощущение непосредственного лицезрения запечатленных пером сюжетов. Фабула рассказа такова: со своего излюбленного места в лесу он наблюдает за судебным процессом над вселенной и сонмами грешников. Он испытывает сильное потрясение, выражаемое в тексте бесконечными молитвенными взываниями к Богу. Он изнемогает в ужасе и отчаянии от увиденного и напряженно молит о помиловании. Сейчас мы знаем об этом только благодаря запискам Кислякова, которые он делал, вернувшись к своему письменному столу. Значит, его текст не является синхронной констатацией внутреннего откровения. Мы имеем дело с позднейшей реконструкцией (и, значит, повторным переживанием встречи с «созерцательной силой»). Вопрос можно поставить по-другому: была ли сама поездка в «лес» или это все изначально сочинено автором в результате мучительных и долгих молитвенных раздумий о конечных судьбах человека и мира?

Архимандрит сам указывает на возможные литературные образцы подобных переживаний, к которым он подспудно или сознательно отсылает. Восхваляя спасительную миссию Церкви, он отмечает плоды ее культурной работы в лице Данте и Мильтона. В «Божественной комедии» темный лес, в котором очутился поэт в середине жизни, служит аллегорией мирских заблуждений. У о. Спиридона, напротив, лес является символом непосредственного общения человека с Творцом. Но в обоих случаях «лес» выступает художественной условностью.

Подобно Данте, встречавшего на своем пути по кругам ада множество знакомых, киевский миссионер то и дело наталкивается в вихрях своей «богоотчужденности» на тех, с кем некогда соприкасался в реальности или же на известных современников и исторических персонажей. Это, к примеру, целый «отряд» бывших Нерчинских каторжан, сибирский купец-миллионер, монах из Андреевского скита на Афоне, артист из Одессы, какой-то «боевой генерал»... Архимандрит натывается на Бонапарта, позже с ним заговаривает какой-то мучающийся под ударами «метеорного огненного дождя» грешник, оказавшийся в конце беседы Иваном Грозным.

У Данте его встречи с былыми знакомыми или современниками всегда пронизаны мощным трагизмом и нетривиальным символизмом (изложенная им в пятой песне «Ада» история влюбленных Паоло Малатеста и Франчески да Римини стала одним из вечных сюжетов мировой культуры). Разговоры же Спиридона, как с его бывшими друзьями, так и с мировыми знаменитостями, поражают мелкотемьем, пустой назидательностью, словно предназначенные

⁷⁹ Запись от 17.04. 1928.

⁸⁰ При том, что он служил в храме, расположенном в центре Киева, и до «деревни» нужно было долго добираться.

быть тусклой иллюстрацией к положениям катехизиса о наказаниях грешников⁸¹. Даже когда с ним заговаривают его бывшие подруги, намекающие на бывшие чувства, ничего, кроме набора банальных моралите, читатель из этих сюжетов не почерпнет⁸².

Если в предыдущих сочинениях архимандрита он обличал духовенство как главных виновников массового религиозного лицемерия, то, конечно, и в аду он во множестве встречает их представителей из разных конфессий. Один из епископов, с которым о. Спиридон заговаривает, объясняет приговор к вечным мукам своим кощунственным отношением к совершению «божественной службы»⁸³. Удивительно, что никакой другой епископ не попался в аду киевскому миссионеру – и с причинами гореть в неугасимом пламени более актуальными (хотя бы по переживаемому Церковью кровавому историческому моменту).

С начала июня 1928 года Спиридон размышлял о Небесных сферах, начиная с объяснения причины разделения и восстания славнейшего из ангелов, увлекшего за собой (по церковному преданию) до трети «всех светлых духов». На протяжении записок он называет это восстание первой в истории революцией, к которой затем присоединились Адам и весь мир. Корнем этого бунта, имевшего такие громадные последствия для истории, стал помысел, овладевший сатаной, о равенстве твари Творцу и о возможности самому стать четвертой ипостасью Святой Троицы. Мысль же эта в свою очередь возникла из чувства неудовлетворенности тем, что Творец создал мир «не единосущным Себе». Разве не мог Он дать твари вечно-совершенное бытие? Из этого настроения⁸⁴ пошло зло превозношения создания над Создателем, воспринятое затем всем творением через грехопадение⁸⁵. Но в жертвенном подвиге Христа, второй Ипостаси Св. Троицы, падший мир получил прощение и возможность обожения.

В череде дней, последовавших за молитвенным переживанием этого богословского положения, о. Спиридон радостно «безумствует»⁸⁶, созерцая славу грядущего Царства Небесного. Однажды ранним утром им овладело «легкое иступление» и он увидел толпы землян, идущих в Небесный Град. Он так описывает персонажей, их составляющих:

«... Кто от сохи, кто из мастерских, кто с поезда, кто из брачного чертога, кто от царского престола, кто из учебных заведений, кто из театра, кто из непотребных домов, кто из ресторанов, питейных домов, кто из государственных учреждений, кто из военных казарм, кто из города, кто из сел, деревень, кто с поля, кто с моря, кто из пустыни, кто из монастырей, кто в качестве нищего, кто в качестве странника, доктора, епископа, священника, монаха, отшельника, пустытника, юродивого, арестанта, каторжника, бродяги и т. д. И у всех у них лица светлые, веселые, жизнерадостные»⁸⁷.

⁸¹ Младший современник архимандрита епископ Варнава (Беляев; 1887–1963) подчеркивал схематизм и иллюзионизм дореволюционных катехизисов: «Люди выходили из школы только с таким “пространным” количеством богословских знаний... Можно себе представить, насколько они были беспомощны в жизни, которая есть тигр лютый» (*Проценко П. Г. В Небесный Иерусалим: История одного побега. (Биография епископа Варнавы (Беляева)).* Нижний Новгород, 2010. С. 379).

⁸² Разговоры с некоей Брониславой и девушкой из Палестины, с которыми архимандрит был знаком в юности, отмечены особой невнятистью. Первая заявляет: «С тобой я не грешила, хотя очень хотела», на что Спиридон наставительно указывает на тождество помыслов о блуде с самим блудом. Казалось бы, нужная параллель проведена, грешница соглашается с этим школьным морализаторством по поводу плотского разжигания, начинающегося со страстного вожделения. Но следующая ее реплика переводит разговор в область абсурда. «Я грешила... заразилась венерией и умерла без покаяния». Это уже признание не просто грешной женщины, а профессиональной блудницы. Знакомая же по Палестине вспомнила, что чуть не наложила на себя руки из-за любви к Спиридону. И хотя тот утверждает, что не давал к тому повода, но соглашается с тем, что являлся для нее кумиром. Станный разговор в обстановке ада!

⁸³ Запись от 26.09. 1928.

⁸⁴ Как считает церковное богословие, подобное настроение есть прелестная жажда рабства, абсолютно отрицающая свободу Божественного дара любви.

⁸⁵ См.: Запись от 8.06. 1928.

⁸⁶ Запись от 9.06. 1928.

⁸⁷ Запись от 22.06. 1928.

В этом перечислении обращает на себя внимание соединение «чистых» и «грешных» – все призваны в Царство Божие и на всех лежит его отсвет. В начале XX века в русской культуре произошло открытие древнерусской иконы как «умозрения в красках». В то же время заново раскрывалась для церковной интеллигенции глубина святоотеческого учения, его прочтение евангельских истин. И прежде всего, проникновенное понимание древними отцами и подвижниками Церкви милосердия и любви Божьих. Не без влияния этих тенденций девятнадцатилетний Анатолий Жураковский, находясь в действующей армии, написал статью «К вопросу о вечных муках». Она была опубликована в двух номерах «Христианской мысли» за 1916 год.

«В глубине русского сознания живет невозможность примирения с ходячим учением о вечных муках, – писал солдат Жураковский, – [которое] говорит нам о блаженстве “праведных” пред лицом нестерпимой, непрекращаемой муки их грешных отцов, матерей и братьев. И невозможно думать, что любовь к Богу и к спасенным братьям заглушит тоску о погибших. Не такова природа этой любви. Она не заглушает, но просветляет и возвышает нашу любовь ко всему существующему».

Традиционное представление об аде, где грешники истязаются своей же нелюбовью, бесконечно противоречит христианской совести. По Жураковскому, адская мука не может быть «дурной вечностью»:

«Грешники войдут в вечную муку... но будут мучиться не бесконечно. Настанет час, и они выйдут из мучений, из сферы небытия. Но сама сфера, сама область Божественной пассивности, внешняя тьма, вечная мука останется как духовный план, как возможность, как необходимая предпосылка человеческой свободы... Вечная мука существует, но ее существование не исключает возможности всеобщего спасения».

Жураковский в своей работе рассматривал конечные судьбы человека через идею апокатастасиса, учения о всеобщем восстановлении, которая еще на заре христианства выдвигалась некоторыми из учителей Церкви. Иные из них, в частности св. Исаак Сирийский, считали, что павшее творение вследствие крестной жертвы Христа будет восстановлено в первоначальной славе вплоть до полного прощения всех грешников, включая и падших ангелов с их начальником. Жураковский в своей статье хотел «показать возможность согласования идеи апокатастасиса с учением Спасителя о вечных муках». Ведь «христианская любовь на высших ее ступенях» проявляется жалостью ко всей твари, злым и добрым, и «даже к демонам».

Работа молодого богослова создавалась в разгар Первой мировой войны, в преддверии гибели Российской империи, вызванная поиском незыблемых духовных опор для христианина посреди бушующего океана насилия. Архимандрит Спиридон в своих видениях ада во многом руководствовался этими давними соображениями своего друга, ставшего к тому времени его духовником. Недаром в оглавлении к этой части своих записок монах подчеркивал, что Суд Христов он рассматривает через призму идеи апокатастасиса «в субъективном моем созерцании». И недаром через все картины мучений грешников и павших ангелов проходит мысль (и чувство) автора о неотвратимости всеобщего покаяния и прощения⁸⁸.

Не забудем, что за четыре года Гражданской войны Киев пережил, по ощущениям его жителей, своего рода нисхождение в ад. Город неоднократно переходил из рук в руки противоборствующих сторон, в нем разворачивались военные действия, беспощадные к населению, массовые аресты, пытки в застенках и казни. На улицах в период боев по несколько дней лежали трупы, парки над Днепром «украсили» братские могилы для захоронения расстрелянных и замученных. В период последовавшей стабилизации, нэпа, дух насилия, озлобления и страха не покинул город, верующие подвергались утеснениям, доносы стали повсеместным явлением. Бесчинства творились горожанами, «своими», разделившимися на жертв и палачей,

⁸⁸ «Все, что когда-либо вышло из рук Творца, непременно вернется к своему Творцу, и вернется еще более славным...» (Запись от 26.06. 1928), – рефреном звучит в тексте архимандрита.

на добрых и злодеев. Христианская вера, да и всякая религия вместе с моралью, основанной на ней, были объявлены преступными и поставлены на грань уничтожения.

В понимании тогдашнего христианина соучастники насилия всех мастей и попиратели евангельских заповедей за порогом физической смерти сводили себя в огонь геенны. Но захватывали туда с собой и всех слабых волей, соблазненных ими во имя идолов идеологии и примитивного благополучия. От этого нисхождения в ад миллионов, отпавших от Церкви, от элементарных правил гуманности, мысленно наблюдаемого архимандритом, он сам приходил в удрученное состояние. В один из дней после видений Суда он записывает, что охладевает внутренне, сознавая, что прежний мир с его солнцем, землей, людьми и культурой ушел навсегда. Этот старый добрый мир весь погрузился в «бogoотчужденность», то есть в состояние смерти. Чтобы преодолеть собственное уныние от созерцания подобных картин, архимандрит подбадривает себя мыслью о невидимом присутствии Христа:

«...Что бы с миром ни стало, что бы с ним ни случилось, это есть дело любви Божией к миру». Тут же он спрашивает себя: «Не есть ли эти мои мысли только отчаянное самоутешение? Не есть ли это отчаянное стремление выйти из скорби о мире в двери Твоего благого Промысла о нем, лишь бы притупить в себе свои земные чувства к нему?» Но монах отгоняет от себя эти помышления, превращаясь в «одно благоговение» пред волей Творца⁸⁹.

Полнота бессилия человека и дар свободы

Монах Спиридон постоянно чувствует свое бессилие перед вызовами истории. В аду он встречает своего двойника, который сообщает, что в бездне бogoотчужденности он помещен на ее дно, «глубже самого сатаны». Грехи, перечисляемые отражением Спиридона, ужасны и бесчисленны. Он принимает на себя все преступления мира от его создания (вплоть до соучастия в распятии Христа), но кроме того перечисляет последствия попранных некогда обетов крещения. Признается и в нарушении иноческих клятв («грешил сам с собою, грешил с девушками, грешил с замужними женщинами, грешил со всеми живым миром, грешил со всем органическим и неорганическим космосом»)⁹⁰. Таким образом, Спиридон из адского зазеркалья очередной раз указывает себе настоящему на его абсолютное бессилие и неспособность выдержать испытание свободой.

Архимандрит всегда сознает себя беспредельно падшим человеком. Он рад исправляться, но на это своих сил нет, и он ждет избавления от Бога. Он знает, что, брошенный в раннем возрасте в океан житейский, почти всегда впоследствии – без поддержки, без знаний, без солидарного сотрудничества с единовѣрцами, – не мог бы избежать падений. Как же выбраться из бездны? Только одним путем: выдержать историю можно, когда Сам Христос преобразит тебя и весь мир вокруг.

Историю нельзя выдержать своими силами, и человек, как бы ни был воодушевлен, нисходит в ад по делам своим. Это чувство пронизывает записки архимандрита и является главным их идейным сюжетом. Сюжетом, состоящим из переживаний, – рваным, разорванным на куски и атомы воспоминаний, богословских и культурных ассоциаций, обрывочных суждений (порой неграмотных и судорожных) и ярких (чуть ли не пророческих) высказываний. В своих записках Кисляков там и тут бодро выстраивает стройные рациональные рассуждения (порой черносотенного свойства) по поводу правильного воспитания человека христианином. Правда, логика этих рассуждений быстро обрушивается под напором хаоса земного бытия, и тогда изложение превращается в мольбу о спасении, о любви⁹¹.

⁸⁹ Запись от 28.08. 1928

⁹⁰ Запись от 24.08. 1928.

⁹¹ Вся последняя часть записок по своему психологическому накалу напоминает «Потерянный рай» Мильтона.

Человечество эпоха за эпохой отказывается от свободы во имя сытости, вручая себя различным воплощениям Великого инквизитора. Но не таков о. Спиридон. Сознывая свое бессилие, он ни на йоту не отказывается от свободы. Намереваясь пройти свой путь по собственному выбору и вольным усилием вручить себя Создателю. Даже в аду. (Он верил, что муки очистят его и введут в райскую жизнь.)⁹²

Логика повествования переносит его в пейзажи гееннского Суда. Монах знает, что мучение есть оборотная сторона любви, очищающей и возрождающей. И на этом фундаменте он настойчиво пытается возвести здание Царства всеобщего счастья, пусть пока только в открывающихся ему видениях будущего всепрощения Творца. Если Царство будущего века является уму и сердцу, значит, дело всеобщего спасения реально. Так ощущает автор, приблизившийся к концу своего земного пути, больной и мучающийся от понимания того морального развала, в котором находились его народ и страна.

Всю свою жизнь он фактически посвятил поиску возможного блаженства христианского сердца в этой бескрайней стране. Это было возможно только при евангелизации общества, приведении его к жизни по учению Христа. В 1917 году киевские друзья поставили его во главе Братства Иисуса Сладчайшего. С того момента архимандрит ощущал себя полноценным христианином, все силы полагающим на служение ближним. Это был его и нескольких его духовных соратников личный педагогический проект по взращиванию христианского поколения на восточном краю Европы, в городе-купели русского христианства.

И этот проект потерпел крах.

Будучи оптимистом, архимандрит до последних дней жизни верил, что родной край придет под знамя Христа. Несмотря ни на что. Ни на разложение общества, ни на распад народной души, ни на конформизм церковной бюрократии и духовенства. Созерцая ад, обозревая его бездны, поглощавшие народы Земли, он так размышляет о смысле адских мук: «Христос через Свой страшный суд решительно стремится весь мир... очистить от всякой причастности началам греха, всякой возможности вторичного возникновения в них зла. И через Свой суд и адские муки путем ее покаяния сделать тварь абсолютно принадлежащей Богу»⁹³.

Ад для архимандрита «точно Ледовитый океан»: с «холодными бурями и полярными ураганами». «Здесь нет ни тишины, ни ясности! Все движется, кружится, вращается, мятется...» Там, в этом адском вихре, находится неисчислимое количество грешников, «облеченных в одежду такого холода», от которого минута пребывания в нем равна бесконечности. Миг мучений как нескончаемая вечность – этим определением подчеркивается безусловность евангельского приговора грешников к «муке вечной» (Мф. 25:46). Одновременно о. Спиридон видит ее очистительное действие, так что даже дьявол у него вызывает о пощаде: «О, милосердный Господь! Нет более сил терпеть, помилуй меня, себялюбивого!»⁹⁴

Ничто и никто не могут противиться «богоселенскому процессу боговоплощения в тварь», очищенную от греха. Потому – так представлял киевский монах-миссионер – сатана изменяется (изнутри вечного мучения) и «осеняет себя крестным знамением», а за ним крестится и вся рать падших ангелов⁹⁵. Враг рода человеческого, по преданию Церкви, не может вытерпеть крестного знамения⁹⁶. Возможность перекреститься у того может появиться только

⁹² «Отчаиваться я не могу и не буду, наоборот, я твердо верю и крепко надеюсь, что Ты не отвергнешь меня, мой Спаситель!» (Запись от 19.01. 1928).

⁹³ Запись от 4.08. 1928.

⁹⁴ Запись от 28.09. 1928.

⁹⁵ См.: Запись от 01.10. 1928.

⁹⁶ Об этом говорится в важнейшей общецерковной молитве «Да воскреснет Бог»: «...так пусть погибнут бесы перед любящими Бога и знаменующимися знамением креста» (пер. с церковнославянского).

при полном перерождении⁹⁷. Что и означает разрушение ада и возвращение падшего мира к райской гармонии.

Такую картину открывает для себя в собственных визионерских конструкциях конца света о. Спиридон. Это его личное откровение обнажает по существу зыбкость подобного восстановления поврежденного творения. Шаткость, потому как если вечная мука и способна вызвать покаяние у грешников, то злая воля падших духов – лежит за гранью всех земных логик и воистину подлежит лишь суду Творца⁹⁸. Недаром на это указывал «белый старец» Василий Экземплярский в своей статье о христианском юродстве⁹⁹.

...Видения ада только, казалось бы, укрепили у отца Спиридона надежды на преобразование жизни.

Но клевета «единомышленников», доносы их подкосили его окончательно, сердце не выдержало, и за несколько дней до кончины он увидел нечто, что заставило его содрогнуться. (Это мы знаем из свидетельств за пределами его последнего текста.) Он просил прощения у своего друга о. Анатолия Жураковского и предсказал тому личную Голгофу и тяжкие мучения¹⁰⁰. Таким образом, архимандрит, умирая, видел разрушение дела своей жизни, дела христианского просвещения в России и уничтожение тех немногих, кто вместе с ним совершал его.

Записи его предчувствий перед концом собственной жизни – концом его мира – стали свидетельством предсмертных переживаний христианина в момент окончания истории. Стали мукой сознания неизбежной гибели русской истории, гибели крестьянской и христианской культуры в России, печалования и тоски души, жертвовавшей собой ради служения ближнему и обнаруживающей неминуемый обрыв надежд в обреченности земной истории. И, словно волшебный фонограф, записки архимандрита Спиридона неожиданно оживляют для нас (его потомков уже в новом тысячелетии) голос одного из ярких представителей уникального поколения Церкви, противопоставившей злу в момент его разгула в истории и утверждавшей среди гонений конечное торжество любви и милосердия.

⁹⁷ См. слова Христа: «Кто не возьмет креста своего... тот недостоин Меня» (Мф. 16:24).

⁹⁸ Записи видений Кислякова обрываются на полуслове, отражая его растерянность перед запредельной реальностью сил духовного противления Высшей воле. (Последний абзац видений нами удален из публикуемого текста архимандрита, как нарушающий его цельность.) Очищенный покаянием новый мир ликует, автор благословляет всеобщую радость раскаявшейся и возрожденной твари. Вдруг «созерцательная сила» показывает ему бывших грешников, плененных адом за свои клятвопреступления. Они не ликуют, они выглядят «как бы больными», что приводит архимандрита в растерянность и возвращает его ум к ветхому падшему космосу. То есть в круг дурной бесконечности.

⁹⁹ В. И. Экземплярский подчеркивал безусловность евангельских определений Страшного суда: «Остается непререкаемой истиной слово Христово о вечной радости и вечных мучениях людей за их кратковременную земную жизнь, но вся полнота тайны остается неоткрытой нашему уму и совести...»

¹⁰⁰ См.: Проценко П. Г. К незакатному Свету... С. 584.

[1927 г.]

[Начало декабря. «На границе двух миров»]¹⁰¹

(...) ¹⁰² Удивительное в мире явление – это мое «я»! Оно все есть живое солнце, но какое же дивное солнце! Мое «я» есть само по себе некое духовно-интеллектуальное солнце и как таковое является создателем своего телесного организма. Оно является творческим началом моего разума, всемогущею космическою мыслью, взвешивающей материю, измеряющей пространство и время, исследующей содержание вещества всего космоса, открывающей мировые законы, изучающей движение планет, вычисляющей расстояние одной планеты от другой, проникающей в самый состав миров, исчисляющей быстроту света, осознающей химический состав космического вещества, вторгающейся в самую сущность космической жизни, распределяющей ее на роды и виды.

Мое «я» стоит на границе двух миров – духовного и физического, – и зорко смотрит на все космическое бытие, и связует живым узлом эти два мира в себе самом. О, дивное и преславное мое человеческое «я»! Нет ничего в мире подобного моему «я»! Всякая тварь бледнеет пред ним как по своему содержанию, так и по своей бесконечно разнообразной красоте! Мое человеческое «я» бесконечно превосходит всю тварь своим **сознанием**¹⁰³.

Сознание! Есть ли что-либо подобное в мире? Сознание! Оно есть что-то тварное, но вместе с тем и надтварное. Сознание! Оно есть какой-то неизреченный свет, но свет, различающий себя от всего того, что не оно само, т. е. не сознание, а им создаваемое. Сознание! Оно есть сущий образ Божий и сущее подобие Божие. Сознание! Оно есть в одно и то же время всё мысль, всё разум, всё творчество, всё ведение, всё видение и всё самоведение, всё самопричина и всё самоцель. Сознание! Сущая жизнь моего «я», действительное начало бессмертия человеческого «я», преломляющая живая самосознающая жемчужина сознания Абсолютного; оно, наконец, есть предтображение Самого Бога в моем «я». Отсюда мое «я» является отображением в себе всесущего Божеского «Ты», в котором и заключаются все корни самого бытия моего «я».

Здесь я должен буду смириться перед невообразимой любовью моего Творца по отношению к себе как к человеческой личности. В самом деле, если я до моего возникновения в качестве личности и был чем-либо во времени и пространстве, то только был исключительно чем-то. Но это «что-то» было не чем другим, как только лишь космическим бессознательным мертвым веществом, и ничем другим. Но вот наступил момент времени, и вдруг в мире появилось мое «я». Это мое «я» теперь чувствует себя и осознает совершенно, и осознает себя по самому своему содержанию отличным от всего окружающего мира. Это мое «я» полно сознательно свободного, самопричинного, самоцельного, самоутверждающегося, живого, закругленного в себе самоначала. Оно совершенно просто, вне всякой в себе сложности. Оно все есть полнота стремлений, чувств, сознания, мышления и т. д. Однако оно все целиком не исчерпывается всей этой полнотой, а остается всегда равной себе величиной, всегда из себя самой порождающей всю эту известную полноту своих свойств. Мое «я» есть единственное чудо среди всех естественных космических чудес. Но это не все. Мое человеческое «я» представляет из себя какую-то динамическую живую силу, всегда влекущуюся с тоской и неотразимо родственно

¹⁰¹ Здесь и далее квадратными скобками отмечены предположительные даты и данные публикатором названия разделов, а также сноски на цитаты из Св. Писания, в некоторых случаях – вставленные для лучшего понимания слова. – П. П.

¹⁰² Начало текста утрачено.

¹⁰³ Здесь и далее подчеркивания текста – авторские.

тяготеющую к абсолютному «Ты» как безусловному своему всемогущему всетворческому «Я», от Которого мое личное «я» получило свое сущее начало бытия и без Которого мое «я» не только не может существовать, но не может быть даже и самым содержанием «я» как таковым.

Отсюда какое же я вывожу последнее заключение о своем «я»? Последнее мое понятие о моем «я» такое, что мое сущее «я» есть собственное «я» Божеское, в котором отображается сущее Божеское «Я». Но так как мое сущее «я» как собственное «я» Божеское, имея в себе триединое начало: «я» как сущее метафизическое (самопричина и самоцель), и «я» духовно-психическое (феноменальное), и «я» как сознательное (мистическое), – оно как таковое отображает в себе и самое сущее Божеское «я» как Триипостасное Божеское «Я»! Отсюда сама идея о Боге в человеческом «я», и самое откровение о Триедином Боге, и тоска о Боге, и молитва к Нему, и непреодолимое всеобщее тяготение человеческого существа к Богу, и вообще всякая религия есть природное, чисто свободное метафизическое тяготение моего «я» к Абсолютному «Ты» как непреодолимое влечение собственного Божеского «я» к своему сущему «Я» и также непреодолимое влечение сущего «Я» Божеского к Его собственному личному «я».

После всего мною сказанного о моем «я» я не могу удержаться от того, чтобы не пасть перед величием Триипостасного Бога и изумленно не воскликнуть: «Всемогущий, вездесущий, самосознающий, всеведающий и всевидящий, животворящий, самобытный, безначальный, бесконечный, неизменный, всеблагостный и все сладостный, все собою наполняющий, единая сущая истина, источник всякого совершенства, начальник всякой жизни, Творец всего видимого и невидимого, Триипостасный мой Бог, отображающий живой образ Святой Троицы в моем «я». Ты мой вселюбящий Отец, Ты мой превозделенный Творец и Спаситель, Ты прелюбезнейший мой Утешитель, ты моя всеблагостная жизнь, Ты мое бесконечное все сладостное блаженство, Ты мое всеблагостное утешение, Ты моя все тихая и мирная радость, Ты святая цель моей жизни!

О, Боже Триипостасный! Я весь стремлюсь к Тебе: моя душа пламенно жаждет Тебя, я весь сгораю нестерпимой любовью к Тебе, Ты мой Бог! О, как сладостно и благостно любить Тебя, моего Творца и Бога! Господи Боже мой, всякий раз, когда я пламенею сладкою любовью к Тебе, тогда я, о Владыка мой Царь и Господь, весь переполняюсь невообразимо нежною умиленной радостью о Тебе, тогда вся моя душа превращается в многострунную небесную сладкозвучную арфу, порождающую чудную гармонию все сладостной духовной благодатной игры божественных нежных гимнов, тогда вся моя внутренность бывает объята теплым животворным дыханием Твоего Всесвятого Духа, тогда мое трепетное сердце делается всеобъемлющим радостным вместилищем Тебя, моего все сладостного Бога, и всего Твоего творения, тогда мой ум просветляется во мне, как солнце, тогда моя воля смиряется пред Тобою до самых низин бездн моего ничтожества, тогда все мои стремления, все чувства, все мысли превращаются во мне в одну чистую, приятнейшую и мирную кротость и покорное смирение, тогда, наконец, я делаюсь каким-то другим существом, причастным Самому моему Господу Христу. Все это переживается мною, когда я весь пламенею любовью к Тебе, о Бог мой! Ты сущая сладость души моей, ты неизреченная радость сердца моего, Ты жизнь моя. О, как бы я хотел вечно и бесконечно тяготеть к Тебе и пламенно любить Тебя, Царь и Господь мой! О Тебе всегда радуется весь мир; о Тебе веселится и ликует весь космический солнечный свет, о Тебе радуюсь, веселюсь и ликую я, Твое ничтожнейшее создание!

Триипостасный мой Бог! Ты Создатель мой, Ты жизнь моя, Ты святость моя, Ты любовь моя, дыхание мое, премудрость моя, красота моя, вечность моя, бесконечность души моей, утешение мое, свобода моя, всеутоляющее жито мое, всеживительная пища моя, всемогущая сила моя, сокровище мое, Бог мой!

13 декабря. Свойства моего «я»

Самоуглубляясь мыслию в себя самого, в свое «я», невольно удивляешься тому, что мое «я» целиком представляет из себя полноту непрерывной неистощимой активности. И что особенно своеобразно и в высшей степени поразительно, так это то, что мое «я» одновременно своею активностью обращено и на Абсолютное, и на временно-пространственное космическое, и на себя самого. Вся эта полнота его активности в нем нераздельно разделяется на неактивные его свойства: на стремления, чувства и сознание-мышление. Стремления образуют разум. То и другое и третье образуют память. Но меня лично не это удивляет в моем «я», а удивляет то, что, какое бы свойство моего «я» ни взял я для рассмотрения, нахожу в нем три определенных предрасположенности, наклонности: к Абсолютному, к временно-пространственной космической действительности и к себе самому. Что же это значит? Да это, по моему мнению, значит, что мое «я» есть не только принадлежность Богу как Его творение, но оно в некотором роде является даже родным Ему. Мало этого, мое «я» целиком отражает Его в себе самом как сущую причину своего бытия; потому только один человек и чувствует и сознает Абсолют ближе к себе, чем окружающий его сей видимый мир. И не только Его чувствует в себе, но он себя и весь мир только и осмысливает через свое осознание Абсолютного. Если бы мое «я» не сознавало через себя и в себе Абсолютного, оно никогда не было бы для себя «я», и мир для меня был бы тогда каким-то бессмысленным хаосом! С другой стороны, мое «я» всегда своим расположением обращено и на мир, на космическую действительность. О чем это говорит? О том, что мое «я» единосущно мировой сущности, что оно тоже в некотором роде зависимо от мира. С третьей стороны, мое «я» не менее сего также обращено и на себя самого. Это говорит о том, что мое «я» как «я» человеческое обладает такою способностью, что во всех своих отношениях к себе самому и возможностях одновременно может быть для себя и субъектом-объектом; другими словами, оно может быть для себя самого познающе-познаваемым! Отсюда мое «я» есть «я» божественно-космически-собственное. Поскольку оно божественное, оно бесконечно больше, чем тварное. Поскольку оно космическое, постольку оно действительно тварное. Поскольку же оно собственное, постольку оно не вещь, а личность, т. е. самопричина и самоцель.

Что же такое в моем «я» есть божественное, бесконечно большее, чем тварное? Это тот образ и то подобие Божие [См.: Быт. 1:26], которые оно онтологически отражает в себе самом. И вот эти образ и подобие Божии в моем «я» целиком выявляются как в моих стремлениях, так и в чувствах, так и в области моего сознания, вследствие чего все мои стремления и все мои чувства и все мое сознание по своему содержанию религиозны, т. е. имеют природное тяготение к Абсолютному. Отсюда получается такого рода умозаключение: мое «я» как «я» своими корнями пребывает только в Боге. Пребывая в Боге, мое «я» пребывает в абсолютной полноте своей жизни и осмысленной цельности своего бытия; пребывая же в плане космического бытия, оно, хотя одновременно и не престаёт пребывать в Боге, однако в космическом пребывании чувствует и осознает себя бессмысленным, и бесцельным, и лишенным всякой для себя ценности. Что же касается своего в себе пребывания, то мое «я» чувствует и осознает себя находящимся в состоянии, исключительном во всех отношениях.

Исходя из всего доселе сказанного о моем «я», я узнаю, что мое «я» со всеми своими свойствами является скорее божественным, чем космическим, а это значит, что сама жизнь для моего «я» исходит не из космоса, а только от Бога. Поэтому в деле божественной жизни моего «я» такое абсолютное, необходимое значение имеют вера, любовь, молитва Богу, пост, воздержание и т. п.! Религиозный аскетизм для моего «я» есть сущая пища, сущее питание. Без религии, без религиозного аскетизма мое «я» умирает, овеществляется и становится смертью для себя самого.

Следовало бы мне на этом и закончить это свое размышление о свойствах моего «я», на самом же деле я только подхожу своею мыслью к самому интересному его пункту. Я подошел к тому, что мое человеческое «я» является, как во всех своих свойствах, так и в своем целом, связующим узлом религиозно-моральной имманентности Бога миру и Его сущей отдельности от мира. Имманентность Бога моему «я» заключается в абсолютном подобии Его божеского мышления моему мышлению и моего мышления мышлению Божескому. В моем «я» эти два мышления совпадают между собою, во-первых, по качеству сходства: как то, так и другое – мысль, а во-вторых, и по родственному тождеству, ибо моя мысль есть образ и подобие божеской во мне мысли; образ же и подобие Божие не отделимы от своего оригинала. Разделение же божеского с моим «я» заключается в том, что Он Творец, а я Его тварь, – Он Бог, а я человек, Он сущее «Я» Божеское, мое же «я» есть Его собственное «я».

О, дивны дела Твои, Господи, в самом творении моего «я», а посему я, преисполняясь чувством благодарности к Тебе, мой Триипостасный Бог, взываю: о, великая и пребожественная Святая Троица – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой! Хвала, бесконечная хвала Тебе, мое отче-материнство! Ты создало меня, Ты вызвало меня из небытия в бытие! Ты сгустило меня во чреве матери моей, Ты вдохнуло в меня дух жизни, ты призвало меня быть вечным участником мировой жизни, Ты вложило в меня Свой, неотъемлемый, Божеский образ, Ты сделало меня Своим сыном по образу Предвечного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа

О, Владыка мой, Триипостасный Бог! Я, в качестве с избытком награжденного Тобою дарами Твоего Всесвятого Духа человеческого сына, смиренно повергаюсь пред Тобою и со слезами умоляю Тебя: никогда не гнушайся мною, не отвращайся от меня и не отвергай меня от Себя! Я сознаю, что я по своим грехам мерзость пред Тобою, я сознаю, что я грешнее всего мира, даже и самого сатаны, но при всем том я также сознаю, что Ты не Бог гнева, а Бог беспредельнейшей отечески-материнской любви ко всей твари и, в частности, ко мне грешному. А поэтому, о Пресвятая Троица, открой двери Твоего божественного снисхождения ко мне, сжался надо мною, прими меня под сень славного благоволения Твоего ко мне, дай мне всегда деятельно любить Тебя. Триипостасный мой Царь, говорю Тебе сущую правду: без любви моего сердца к Тебе я сам для себя делаюсь адом, душа моя сатанеет, дух мой овеществляется, все мое существо покрывается холодной ледяной корой моей греховности.

Боже! Я вспоминаю, когда я был еще отроком, я пламенно любил Тебя; когда же я стал юношей, тогда я сознательно отпал от Тебя, а потом вместо Тебя, своего Бога, избрал для себя богом себя самого и свои страсти. С того времени и вплоть до настоящего дня я обоготворял себя самого и даже досель совершенно не освободился от этого страшнейшего греха. Ныне же я весь превращаюсь в один молитвенный вопль к Тебе: «О, Отец мой, о, Спаситель мой Христос, о, Утешитель Дух Святой, о, Троица Святая, не оставь меня! Будь всегда со мною! Я ведь Твое создание; пусть я по своим грехам являюсь в очах Твоих самым величайшим грешником, бесконечно превосходящим своими грехами не только весь мир, но и самый ад и даже самого дьявола, Ты все же не чуждайся меня. Господь мой и Бог, не гони меня от Себя, позволь мне быть всегда с Тобою, Господи Боже Трисвятой, я изменюсь, я буду Твоим рабом, даже буду Твоим сыном, только не отвергай меня от Себя, ибо Ты моя жизнь, Ты моя святость, Ты мое спасение, Ты Альфа и Омега¹⁰⁴ бытия моего «я», аминь.

¹⁰⁴ Альфа и Омега (ΑΩ) – сочетание первой и последней букв греческого алфавита, являющихся наименованием Бога в Книге Откровения Иоанна Богослова; символическое обозначение Бога как начала и конца всего сущего.

14 декабря. Жизнь моего «я»

Рассматривая мое «я», и всесторонне вдумываясь в него, и углубляясь умом в самую суть его, я с уверенностью пришел к такому умозаключению, что оно эзотерически живет не космическою жизнью, а жизнью в нем заключенного образа Божия, хотя бы даже оно и было величайшим грешником. Человеческое «я», имеющее образ Божий, либо своим содержанием обменивается с содержанием в себе самого образа Божия – тогда через этот обмен мое «я» становится подобием Божию в себе самом, т. е. становится богоподобным, святым, – либо же оно живет только на счет содержания в себе образа Божия – тогда оно ежемоментно своими страстями и грехами изживает в себе образ Божий и в конце концов остается с одними только печальными следами некогда бывшего в себе образа Божия.

Вот почему человеческое «я» всегда имеет в себе постоянство и неизменность. Все в человеке меняется, но в потоке изменения его «я» остается абсолютно неизменным. Оно хотя и находится во времени и пространстве в качестве обыкновенного феномена, однако в своем сознании преодолевает как самое время, так и пространство и становится причастником божественного. Отсюда становится понятно, что мое человеческое «я» хотя и от мира сего, но по существу своему оно и не от мира сего, впрочем, и не есть частица сущности Божеской. Вот почему жизнь моего «я» не есть жизнь космическая, а есть нечто более чем космическая. Согласно таковой жизни, мое «я» имеет большое преимущество перед всею тварью; а имея такое преимущество перед всею тварью, оно, значит, по самой своей сущности есть нечто близкое, но неоднородное Самой сущности Божеской. Не потому ли и самое Откровение называет мое «я» собственным Божиим вдуновением в человека [См.: Быт. 2, 7]. Как бы то ни было, во всяком случае, мое «я» даже по самому своему существу есть нечто богоподобное. Об этом убедительнейшим образом свидетельствует даже настоящее состояние моего «я». Настоящее же состояние моего «я» далеко не первобытное, не догреховное, оно, как я предполагаю, вследствие своего падения в грех пережило для себя что-то невообразимо ужасное. По моему мнению, оно пережило в себе страшное превращение своего духовного состояния в психическое, т. е. в некотором роде духовное затвердение, граничащее с духовной дебелистью, близко стоящее к овеществлению, хотя с полным сохранением в себе свободной возможности снова вернуться в свое догреховное, первое, более духовное состояние. И вот, я говорю, несмотря на настоящее подверженное греху состояние, мое «я» и теперь является в высшей степени в очах Божиих ценным и превознесенным выше всякой твари!

И нужно сказать правду, что нет ничего в мире подобного моему «я»! Каждый раз, когда я сосредоточиваю свое внимание на моем сознании, то от удивления прямо-таки прихожу в восторг и в умиление! Боже мой, думаю я, да что же это за такое мое сознание? А ведь оно чем-то во мне живет, чем-то оно питается! Если я скажу, что мое сознание живет и питается во мне всеобщей космической жизнью, то это будет равносильно, как если бы я сказал, что мое сознание есть железно-деревянное. Так чем же оно во мне живет и чем оно питается? По моему убеждению, оно живет и питается жизнью высшего сознания, сознания абсолютного, сознания божеского, для моего «я» являющегося «Ты», и питается только единым абсолютным сознанием, этим для меня «Ты», и ничем другим! Все это говорит о том, что мое «я» в некотором роде по своему подобию имманентно Абсолютному Божественному «Ты», а имманентность его Божескому «Ты» осуществляется в моем «я» не иначе, как через взаимный обмен содержания моего «я» с содержанием образа Божия во мне.

Да, дивное явление во вселенной мое «я»! Не является ли оно пророческим вестником того, что рано или поздно, но непременно и вся мировая действительность будет единым сущим «я» Божеским. И не только жить и питаться, но и объединяться между собою и бесконечно вращать одно в другое, вплоть до такого состояния, когда Бог и вся мировая действи-

тельность будут из себя представлять «Я-Мы-Я», т. е. когда Бог будет все во всем [1 Кор. 15, 28]!

[14 декабря.] Тайна моего «я»

Как бы я ни углублялся сам в себя в качестве наблюдателя и психолога, я все же сознаю, что мое «я» невообразимая бездна. Исчерпать ее человек не может, ибо корни его находятся не в нем самом, а в Абсолютном «Ты». Это одно. Другое то, что мое самосознание скорее интуитивно, чем рационально (логично); вследствие чего мое мышление только скользит по моему сознанию, но не проникает в него; а поэтому оно не может объективировать его для себя; и, если оно действительно иногда усиливается объективировать его для себя, в таком случае оно всегда берет себе на помощь интуицию сознания и только при помощи ее кое-как касается зыби моего сознания; что же касается самой сущности его, оно ее не знает. Другое дело, когда моя мысль, в качестве своего содержания, схватывает не самое сознание как таковое, а его свойства; тогда оно по этим самым его свойствам уже убеждается не только в неизмеримости самого сознания, но и в неисследимости его как чего-то не тварного, а божественного! И чем серьезнее приходится смотреть на самое сознание в себе, тем все более и более растет во мне благоговение к этому собственному сознанию и тем все более и более убеждаешься, что мое сознание есть нечто божественное, не поддающееся объективному осознанию. Отсюда мое сознание для меня вечная и неразгаданная тайна. Если же одно только мое собственное сознание является таковым, то что же говорить о моем «я», которое для моего сознания является в некоем роде причиной – и не только моего сознания, но и всех моих стремлений и всех моих чувств? Что можно, наконец, о нем сказать, когда оно является самым строителем даже моего телесного организма?

Таково мое «я». И поскольку оно является для меня таковым, постольку оно, говорю я, является для меня и величайшей недоступной тайной. Правда, психологи упорно и кропотливо стремятся разгадать эту тайну в человеке, но как бы они ни старались преодолеть для этого непреодолимые преграды, они никогда не проникнут в это святая святых; ибо свет науки слишком ничтожен, чтобы осветить всю бездну человеческого «я». Мало этого, я более чем убежден, что человеческое «я» в плане сего бытия представляет из себя еще одну чистую потенцию, которой – чтобы совершенно развернуться и раскрыться – предназначены «многие обители» у Отца Небесного! Но земная жизнь слишком ничтожна и слишком кратковременна, чтобы мое «я» совершенно вышло из себя и во всем совершенстве развернулось на земле. Земная жизнь для моего «я» есть такая жизнь, которая является пока только первичной почвой, на которой в качестве зерна скрытой в себе вечной жизни посеяно мое «я». Возможно, что только потому, быть может, мое «я» является для меня тайной, что оно все целиком представляет из себя в плане сей земной жизни безусловную потенцию, которой только и суждено раскрыться в фазах вечной, божественной жизни. Вот поэтому мое «я» недоступно себе самому, оно само для себя является чудесной тайной; оно все целиком недоступно собственному сознанию даже потому, что и само-то мое сознание существует на земле в зародыше, только в зачаточном состоянии. Возможно, что оно потому и называется «сознанием», т. е. не полным знанием, а только со-знанием, т. е. только подобием знания; а знанием оно может быть только тогда в нас, когда оно выйдет из своего настоящего потенциального состояния. Такова тайна моего «я», по крайней мере, в сей кратковременной жизни. Все непостижимо!

Всемогущий создал космос. Он рассеял по бесконечному пространству бесчисленные мерцающие звезды, Он собрал бесчисленные солнца в Млечный Путь, Он все миры вселенной вкрапил в мировую действительность, точно кровавые шарики в необъятный космический организм. Он наделил мировые солнца бесчисленными спектрами и бесконечно разнообразным движением. Он вдохнул в них гармонически-равномерное всемирное тяготение. Он многие из небесных планет населил разумными существами, Он всем без исключения мирам вселенной, плавающим в океане пространства, указал путь на восток, куда они все с невооб-

разимой быстротой несутся. О, Боже! Не являются ли они все одним проявлением Твоей все-творческой свободы? Не являются ли они только видимостью Твоей всемогущей мысли? Не есть ли они только чистым отражением Твоего Божеского ума?

Если таков сам по себе весь космос, вся вселенная, то, о, Пресвятая Троица, что же из себя представляет человеческое «я»? Что же представляет мое сознание? Да, взирая на мир и, в частности, на человеческое «я», невольно спрашиваю самого себя: если так непостижима вся мировая действительность и само по себе мое «я», то что же можно думать о Самом Твоем беспредельнейшем уме, Трисвятой Бог мой?! И однако, какое же Твое снисхождение ко мне! Кто, как не Ты, создал меня из свободы Своей? Кто, как не Ты, всегда промышляет обо мне? Кто, как не Ты, блюдет меня в божеской Своей памяти? Кто, как не Ты, ежемоментно заботится о мне, и видит меня, и мыслит обо мне, и осознает меня?

Ах, Царь мой, Бог мой, как же мне не благоговеть перед Тобою, и не верить в Тебя, и не любить Тебя? Ты один Своим божеским животворящим дыханием оживотворяешь мое «я». Ты один Своим всезнанием питаешь мое сознание, Ты один мои мысли вживаешь в Свои мысли. О, Господи Боже мой, я от изумления пред бесконечным богатством благодати Твоей восклицаю: все небеса, все небесные солнца, все миры, все планеты, Господа Бога во веки благодарите! Благодарите и ты, весь Млечный Путь – яркая световая стопа всемогущества Божия, горячо благодарите Господа Бога твоего! И вы все, дела рук Его, также пойте и прославляйте своего Триипостасного Бога во веки, ибо в Нем одном скрывается все бытие ваше и вся жизнь ваша. «Я» мое! Ты, как ничто другое, созданное Творцом, ближе всего стоишь к Нему, пой же и прославляй Его, переполняйся пламенной любовью к Нему, будь Его божественной музой, создавай из себя самого пламенный гимн любви к Нему! «Я» мое! Разве ты не видишь и не слышишь шествующего твоего Господа Бога по всей мировой действительности? О, скорее пади ниц пред Ним, и вылейся в один горячий поток любви к Нему, и все Его божественное присутствие восприми в себя!

О, Пребожественная Святая Троица! Я повергаюсь пред Тобою и исповедую Тебя своим единым Богом, живым, разумным, личным Триипостасным Богом. В Тебе вся моя слава, в Тебе все мое благо, в Тебе вся моя бессмертная красота. Ты моя неотъемлемая истина, Ты мое единственное бытие. Когда я с Тобою, тогда ничто не устрашает меня, тогда мое «я» наполняется Твоим вдохновением, тогда я бываю силен делом и словом. О, Царь мой и Владыка мой, будь всегда во мне, озаряй меня Собою, изливай на мое «я» дары благодати Твоей, оживляй и питай его Собою всегда.

Хочу еще что-то сказать Тебе, о, Триипостасный мой Бог!

И вот после всего мною высказанного о моем «я» как-то невольно приходится глубоко-глубоко задуматься надо всем этим и не раз перенестись мыслию опять на Тебя, Творца Бога моего, и сквозь слезы снова звать к Тебе: «О, Боже мой, Боже мой! Как полны небо и земля бесконечной благодати и любви Твоих!» Вот сейчас я много думал и говорил о моем «я», думал, размышлял и говорил и, прослезившись, сказал: «О, как велик и превелик Ты, Бог мой!» И вдруг в этот момент еще сильнее прежнего загорелось мое сердце огнем умиления пред Тобою, и я тотчас как-то нечаянно взглянул в окно и увидел, как вся земля покрыта толстым слоем снега. Холодно. И я в сию минуту подумал: «Боже! Не только мое “я” есть тайна, но даже и вся природа в своих сменах состояния является тайной. Вот зима, покрывшая мертвым саваном всю землю, тоже тайна. Все это, как кажется мне, хорошо, но все-таки это не благо! Для человеческих очей прекрасно, но не жизненно; здорово, но неплодотворно; приятно, но не радостно. Такова вся естественная жизнь на земле. Однако, как бы эта естественная жизнь ни была богата и прекрасна своими естественными благами, она все же, сравнительно с Твоею сущою жизнью, то же, что северная холодная зима сравнительно с тропической южной весной. Да и это сравнение есть только бледное подобие! О, Владыка мой Бог, как я радуюсь тому, что только Ты один скрываешь и раскрываешь в Себе бесконечно невообразимые вечные бес-

смертные сокровища всякого блага. О, как я благодарен, что Ты Себя Самого открыл миру! О, как я весь переполнен прославлением Тебя, моего Бога, за то, что Ты на всю Свою тварь и, в частности, на человека, на Его “я” наложил Свою вечную творческую печать, состоящую в абсолютной ее принадлежности Тебе, моему Создателю! Чудо! Вся эта тварная в ней принадлежность Тебе, моему Господу Богу, есть не что иное, как сущая космическая религия, всемирное всесущее тяготение и внутреннее влечение всей вселенной, всей твари к Тебе, Создатель всего сущего.

О, великий Боже! Чем весь мир, вся вселенная воздаст Тебе, мой всеблагостный Бог, за Твое отче-материнство к ним? Чем, о Царь мой Триипостасный Бог, и я воздам Тебе за мое “я”, столь одаренное Твоею бесконечною благодатью? О, если бы не только я, но и вся тварь, все сущее превратилось в одну вечную и бесконечную славу для Тебя, то и тогда подобная слава была бы немим молчанием! Таков весь мир по отношению к Тебе в своем совершеннейшем, всегдашнем ничтожестве пред Тобою! Если весь мир является таковым неоплатным должником перед Тобою, своим Творцом и Богом, то что же я тогда представляю перед лицом Твоим, о Пресвятая Троица?

Не представляю ли я перед Тобою сгущенность Твоих бесконечнейших даров, беспредельных Твоих благодати и любви ко мне? Да, поистине таков я и есть на самом деле. Однако, о, Царь мой Бог, как страшно, как невыносимо мучительно, что я самого себя сознательно превратил в ком одних ужасных оскорблений Тебя, моего Бога! Творец мой, Бог мой, Ты знаешь, что я говорю одну сущую правду. И вот, когда я смотрю на свое «я» и на весь мир, тогда я переполняюсь сознанием величайшей виновности перед Тобою, и в это время мне хочется пасть пред Твоим святейшим вездеприсутствием и превратиться в одни пламенные благодарные вздохи моего сердца, в одни горячие слезы пламенного прославления Тебя, в одну огненную расплавленную любовь моего смирения, в одно сокрушенное жгучее покаяние перед Твоею бесконечною любовью ко мне. Боже, Отец всякой плоти и всякого духа, я таю от одной лишь мысли о том, что Ты, мой Бог, есть Творец всей вселенной! Я весь сгораю любовью к Тебе, мое сердце стихийно пламенеет к Тебе, мой дух парит к Тебе, моя грудь полна пламенной любви к Тебе, мне бесконечно сладостно, все стало мне мило, и любезно, и родственно. При одной мысли о Тебе теперь и зима, и холод, и мороз – все стало для меня каким-то небесным теплом, божественной весной, распутившейся космической ароматной лилией. При одном воспоминании о Тебе, ах, как же стало хорошо, радостно, весело и упоительно-сладостно.

О, Господь мой, Ты жизнь моя, Ты бытие мое, Ты содержание и тайна моего «я», Ты ведение мое, Ты сила моя, Ты творчество мое, Ты спасение мое, Ты защита моя, Ты крепость моя, Ты победа моя, Ты цель жизни моей, Ты свет мой, Ты красота моя, Ты помощь моя, Ты похвала моя, Ты сладость моя, Ты веселие мое, Ты пища моя, Ты питье мое, Ты кислород мой, Ты власть моя, Ты царство мое, Ты церковь моя, Ты первосвященник мой, Ты Царь мой, Ты наставник мой, Ты законодатель мой, Ты совесть моя, Ты Господь мой! Аминь».

15 декабря. Начало христианского возрождения моего «я»

Доселе я говорил о моем естественном «я», теперь же считаю своим долгом сказать и о том, как возможно моему естественному «я» возродиться и быть совершенным новым «я», уже не естественным, а «я» Христовым, или «я» христианским. Чтобы на это ответить положительно, я прежде всего должен обратиться к своему естественному «я» и отметить его природные для этого в нем условия. Дело в том, что, во-первых, мое естественное «я» имеет в себе природный образ Божий. И вот мы допускаем, что этот образ Божий – давно уже в моем «я» изжит и что его во мне уже нет. Однако, несмотря на это, мое «я» все же и тогда имеет в себе все данные к тому, чтобы оно могло снова воспринять в себя эту жемчужину неба, т. е. образ Божий. Ибо мое «я» всегда обладает способностями воспринимать в себя все божественное.

Во-вторых, мое «я» корни своего бытия имеет не в себе самом и не в космическом содержании мирового бытия, а только в Божеском «Ты», только в своем личном первообразе, по отношению к которому мое «я» является Его живым отражением. В третьих, мое «я» живет и питается не космической жизнью как таковой, а жизнью Самого Бога; и в четвертых, мое «я» по самой своей сущности божественно, т. е. является имманентным узлом, связующим собою Абсолютное с космическим содержанием всего сущего. Так вот уже по одним этим данным мое «я» не только имеет в себе возможности к собственному возрождению, но оно по самой своей природе предрасположено к этому величайшему таинству. Это одно.

С другой стороны, мое «я» само по себе целиком представляет из себя неистощимую внутреннюю жажду выйти из своего естественного состояния, потому что оно вследствие греха подернулось в себе зачерствелостью, духовной старческой дебелостью, граничащею с овеществленностью, и снова быть духовною, божественною личностью, какою первый раз оно вышло из рук своего Творца Бога. Но, чтобы выйти из такого своего состояния, которое само по себе не имеет для этого силы, ему нужно другое «я», такое «я», которое в одно и то же время было бы и совершенным человеческим «я» (но «я» безгрешным, таким «я», которое было до его падения), и в то же время совершенным Божеским «Я».

Такое «Я» нужно моему «я» только для того, чтобы послужить для моего «я» в качестве уже вполне органически связующего имманентного узла между моим «я» и Богом. Другими словами, чтобы существующую во мне, вследствие греховности моего «я», разъединенность с Богом, оно, это безгрешное «Я», могло бы собою целиком заполнить и чтобы, в свою очередь, божеская сущность, имманентно заключенная в безгрешном «Я», могла также быть оживотворяющим началом, объединяющим мое «я» с безгрешным «Я»; чтобы это безгрешное «Я» могло бы быть посредствующим между моим «я» и сущим Божеским «Я». И вот для этого дела в качестве безгрешного единственного «Я» выступает богочеловеческая Личность Христос.

Эта богосыновняя Личность Господа полна в себе сущих животворящих начал, возрождающих всякое человеческое «я»; она одна, в качестве отче-материнства, возрождает человека. Но вот вопрос: как возрождается мое «я» Христом и почему оно возрождается только одним Им? Здесь уже не один вопрос, а целых два.

Ответим на первый. Мы уже сказали, что человеческое «я» имеет в себе образ Божий. Мы также сказали, что оно, даже если и изживает его в себе, все же по самой своей природе является более божественным, чем космическим; а затем оно всегда имеет в себе и природную предрасположенность к духовному своему состоянию, т. е. к абсолютному выходу из своего греховного состояния. Отсюда возникает непреодолимая тоска о своей потерянной первобытной, еще догреховной, чистоте и святости. Тоска эта в человеческом «я» порождает жажду собственного спасения. Спасение как таковое «я» человеческое утверждает не в себе самом, а в другом «Я», в абсолютном для себя «Ты». Отсюда жажда откровения Бога человеческому «я» порождает веру в такого Бога, как Бога, открывшегося человеческому «я» через реально

осязаемое богочеловеческое «Я», которое есть не что другое, как Сам Христос. А что такое вера? Вера – обмен через Христа и во Христе человеческого «я» с Божеским «Я». Отсюда она есть живой фитиль, преисполненный животворящей магнитной силы Христовой, возрождающей в себе человеческое «я» по образу и подобию «Я» Христова. И Христос как сущий Сын Божий только один и имеет в Себе такую божескую, всевозрождающую, чудесную силу. Но я должен сказать, что этот фитиль – вера моего «я» во Христа – сам по себе еще недостаточен, моему «я» нужно не только вспыхнуть и пламенем всевозрождающей Христовой силы загореться, но и всегда гореть им. Вот для этого одной веры недостаточно: нужна еще и вся полнота любви человеческого «я» ко Христу. И чем больше будет в моем «я» любви к Нему, тем мое возрождение Христом будет совершеннее обеспечено во мне; тогда мое «я» будет, безусловно, новым, оно будет «я» Христовым.

Поскольку же оно будет «я» Господним, постольку в нем и будет возрождаться Сам Христос. Поскольку же Он будет возрождаться в моем «я», постольку же и все известные свойства моего «я» также, в свою очередь, будут уподобляться свойствам личности Самого Христа. Тогда все характерные естественные наклонности моего «я» ко греху изменят свое направление. Поскольку они в естественном моем «я» имели в себе предрасположение ко греху, постольку они теперь, как возрожденные Господом, будут иметь в себе предрасположение к исполнению только единой воли Христовой.

Бывшие во мне ранее, до возрождения во Христе моего «я», все эти бесчисленные корни – наклонности ко злу – уже делаются живыми, духовными преемниками, воспринимающими в себя дары Святого Духа и питающими мое «я» единым Христом. Отсюда мое «я», возрожденное во Христе, должно беспрестанно прогрессировать в своем духовном возрождении с одной ступени своего духовного роста на другую. Для этого величайшего дела должно всегда себя возбуждать, возгревать евангельским аскетизмом, освежать беспрестанным молитвенным чтением божественного Евангелия. Здесь, в этом поистине величайшем деле, отнюдь нет места ни магическому, ни механическому воздействию со стороны Самого Христа на мое «я», ни также таковому восприятию моим «я» самого всемогущего Христова начала, возрождающего мое «я». Здесь совершает это величайшее свое таинство одна богочеловеческая Христова, я бы сказал, биология, которая целиком истекает из единой Личности Христа и свободно и чисто биологическим путем воспринимается моим «я». Удивительное дело! Возрожденное Христом человеческое «я» само в некотором роде уже становится проводником возрождающего Христова начала по отношению ко всему миру, всей вселенной! Это явление поистине трогательное, достойное умиления и прославления Бога!

Теперь же, вспоминая свою прежнюю греховную жизнь, я не могу мое греховное «я» не сравнить со всем тем, что сейчас, 15-го декабря, делается здесь. Снежная метель, резкий ветер. Вся поверхность земли превратилась в какое-то бушующее море, снежные валы с большой быстротой переносятся с места на место. Страшная метель! Снег все ползет, движется, змеится, поднимается, кружится, несется и снова падает. Все превратилось в какое-то бурное, зловещее снежное море, потопляющее собою города, села и деревни! Страшно. Нет возможности выйти из дома. Птицы уже не летают. Ночь. Звонят в колокол, давая знать путникам, чтобы направляли свой ночной путь прямо на звук колокола. Точно такое состояние мое «я» несколько лет подряд переживало в себе самом.

Вспоминая всю свою прошлую жизнь, я чувствую, как слезы подкатываются к горлу и на сердце становится тяжело-тяжело. И вот я мыслью тотчас переношусь на Тебя, мой Триипостасный Бог, и мне становится мгновенно легко и радостно на душе, и я не могу утерпеть, я вопию: «Помилуй меня, Боже, помилуй меня!» И вот я чувствую, как внезапно скорбь сменяется во мне радостью, печаль – ликованием. Я уже не могу удержаться, восторженно восклицаю:

«Боже, радость сердца моего, я люблю Тебя! Боже, сила моего сознания, я люблю Тебя! Боже, быстрота стремлений моих, я люблю Тебя! Боже, чистота чувств моих, я люблю Тебя! Боже, жизнь моя, я люблю Тебя! Боже, бытие мое, я люблю Тебя! Боже, Царь мой, я люблю Тебя! Боже, бессмертие мое, я люблю Тебя! Боже, блаженство мое, я люблю Тебя! Боже, Ты один достоин того, чтобы вся тварь любила Тебя!

Всякий раз, когда я размышляю о Тебе, моем Боге, я весь сосредоточиваюсь только на одном Тебе, моем Создателе, и всем своим существом умиляюсь перед Тобою и бесконечно поражаюсь Твоей всесвятейшей любви к миру и, в частности, к человечеству. Ты один Бог мой, Ты один создал мир, Ты один вызвал всю тварь из небытия в бытие. Ты один вложил в нее семена творчества. О, как же не поражаться Тебе, всесущему Творцу и Богу, и не верить в Тебя, и не любить Тебя? О, Господи мой, о, Бог мой, о, радость моя, о, надежда моя! Господи, увеличь во мне веру в Тебя, бесконечно увеличь во мне и любовь к Тебе, Царь мой и Бог мой, я хочу, пламенно хочу бесконечно любить Тебя. Я хочу, чтобы Ты все мое существо превратил в одну чистую абсолютную любовь к Тебе. Я бы наконец хотел больше, сильнее и пламеннее всякой твари любить Тебя! Царь и Бог мой, исполни мои пламенные желания так именно любить Тебя, как я хочу!»

16 декабря. Освященное «я»

Человеческое «я» тогда становится освященным, когда оно через любовь ко Христу преобразуется в живой образ Господа; когда оно через свои аскетические подвиги становится живым, чистым, благоухающим Христовыми добродетелями высокой пробы, духовным сосудом для Святой Троицы. Такое «я», точно в весеннее время хорошая по качеству земля, бывает покрыто прекрасными, ароматными цветами и злаками – качествами характера Христа. Освященное «я» – это всеосвящающее «я»; потому оно так и называется, что оно полно в себе всеосвящающего присутствия Христова. Оно является христоносным «я». Все содержание его – Христос. Вследствие сего оно является в очах Божиих избранным сосудом Святого Духа.

Такое «я» всегда бывает в руках Христовых Его орудием в деле спасения мира. Такое «я» – пророк Божий, деятель Святого Духа, строитель Царства Христова. Освященное «я» только и может быть строго христианским. Божественная сила, освящающая человеческое «я», исходит от одного Христа, и принимает ее только исключительно верующий и любящий Господа и исполняющий Его святую волю чисто аскетическим путем. Мирское или сектантское христианство никогда не достигает в себе того, что свободно достигает в себе аскетическое. Мирским или сектантским христианством я называю такое христианство, которое стремится быть христианством без всякого внутреннего в себе евангельского аскетизма.

Освящение человеческого «я» есть самоотречение ради Христа и абсолютное предпочтение Христа не только всему миру, но и себе самому. Освященное «я» может быть таковым во чреве матери и в различные периоды своего человеческого возраста. Самое освящение состоит в непрерывном обмене содержания человеческого «я» с содержанием «Я» Христова; оно состоит в прогрессивном вращении человеческого «я» в «Я» Господне. Освященное «я» – беспрестанная молитва, пламенная любовь ко Христу, скорбь о людской злобе, душевное сострадание по отношению к миру, смиренное дерзновение о славе Божией, живое исповедание Христа, деятельная проповедь о Христе, чистота сердца, крепость духа, трезвость ума, непрестанные подвиги ради Христа, абсолютное незлобие и т. д.

Освященность человеческого «я» не есть нечто самодовлеющее на пути его вращения в «Я» Христово, оно не есть остановочный пункт подвижника в своих подвигах. Оно есть лишь особое достижение широты и высоты духовного размаха и подъема человеческого «я» в деле вживания его во Христа, достигая которых человеческое «я» переполняется особыми дарами благодати Христовой. На этой духовной высоте человеческое «я», точно водяная лилия, целиком объемлется божественной, всенаполняющей стихией благодати Христовой. Освященность есть особая благодатная помазанность человеческого «я» Духом Святым.

Освященный человек – богоносец; его «я» представляет собой одну печать Христовой богосыновности. На этой высоте духовного подъема человеческое «я» всегда зрит Бога; Бог целиком заменяет для освященного «я» всякую среду, Он Сам делается его средой. Стоящее на этой ступени духовного Христова подъема человеческое «я» живет уже жизнью Господа. С одной стороны, это величайшее благо по отношению к человеческому «я», а с другой стороны – оно есть результатом подвижнической жизни человека, оно есть первым плодом святости Христовой.

Взирая на такой духовный подъем «я» подвижника, я не могу смотреть спокойно на самого себя. И вот я, вспоминая свою прошлую жизнь, каюсь и говорю: «Господи, кем я был прежде, страшно даже подумать! Я совершенно походил на сей день, 16 декабря. Вся моя жизнь была точь-в-точь как эта сегодняшняя страшная метель. Все мои чувства тогда были похожи на эти сельские дома, покрытые глубоким пластом снега, – они были покрыты пластом моих страстей. Все мои стремления того времени, точно как сегодня вся эта беднота, дрожали и зябли от холодного моего отношения к Тебе, мой Спаситель! Мое сердце терзалось от ужасного

отчаяния. Часто слезы стыда подступали к горлу. Много я в это время передумал и пережил. Я жаждал освобождения от своих страстей; а они, точно вот как сегодняшняя вьюга, все во мне ломали, грохотали, стучали по моему «я», желая раз навсегда с треском погубить его! В это время, стремясь убежать и скрыться от своих страстей, я решился своим тихим пристанищем избрать иночество.

Принимая на себя ангельский образ, я хотел быть свободным от страстей, я хотел быть новою тварью во Христе. Но, увы! Монашество меня не спасло! Прежняя моя греховная жизнь как бы смеялась надо мною, она с еще большей силой набросилась на меня и совершенно захлестнула меня. Последовало сплошное оскорбление моего Бога. Животность создала из меня жертвенник для себя. Страх Божий принесен был мною в жертву страстей моих. Вера в Бога сменилась во мне практическим неверием. Я целиком оказался в объятиях дьявола. Через некоторое время я уже своими грехами перерос и превзошел самого дьявола, и потому в скором времени не я уже был в его объятиях, а он был моим рабом, так я бесконечно превзошел его своими злыми деяниями. В таком состоянии жизнь моя продолжалась ровно пятьдесят лет¹⁰⁵. Конечно, в виде отрыжки она и сейчас в таком греховном состоянии все еще продолжается. И вот мне казалось, что я окончательно погибну.

И, конечно, погиб бы я, если бы Ты, мой Триипостасный Бог, не спас меня. И вот теперь, когда я подумаю, в каких только глубинных безднах зла я не находился и что только я не делал, то самому становится страшно и настолько страшно, что я даже цепенею от ужаса! Но Ты, о, Боже, Ты один извлек и избавил меня от этой бездны и доселе все еще врачуешь меня. О, Господи Боже мой, как Ты бесконечно дивен и славен в деле спасения всех грешников и, в частности, меня, самого ужасного грешника! Ужас! Что только я не делал пред Тобою и какие ужаснейшие беззакония не творил перед очами всеведения Твоего, и, о, чудо, Ты отнюдь не пренебрег мною, Ты оглянулся на меня, и Своим сущим дыханием согрел меня, и Своею всеблагодатною любовью утешал меня, и Своею нежнейшею жалостью облек меня.

Ах, Господи, Боже мой, как же после сего не любить и не прославлять Тебя, и всем своим существом не тяготеть к Тебе, и ежемоментно умиленно не поворачиваться пред Тобою, и не благословлять Тебя, моего Бога? Хочется, о, как мне хочется кричать, бесконечно кричать, и так кричать, чтобы мой крик слышала вся вселенная, слышали и сам дьявол, и весь ад.

Мир, вселенная, ад! Сам начальник злобы – дьявол! Покайтесь, смирите перед величием святости Триипостасного Бога, и Он умиласердится над вами и преобразит вас в новую тварь во Христе! Вы взгляните на меня! Не был ли я бесконечно грешнее вас взятых вместе! Не был ли я беззаконнее, мерзче вас всех? И вот посмотрите на меня, и вы удивитесь и поразитесь всепрощающей любви Христовой, изливаемой на меня, сына человеческого. Вот что значит покаяние! Поспешите и вы покаяться, Христос и вас, как и меня, примет в объятия Своей всепрощающей Божеской любви.

О, пребожественная и достойная поклонения святейшая единосущная Троица в единиче! При одном лишь созерцании Тебя как сущей живой и всеблагодатной любви, изливаемой Тобою на все Твое творение, кружится голова и замирает мысль! О, Боже Триипостасный! Ты один есть абсолютное всеведение, бесконечная святая жалость, бездонно-глубинное смирение, непостижимая доброта, невообразимая красота, Ты один есть источник всякого бытия всего сущего. О, пусть непрестанно Тебя прославляют херувимы и серафимы, архангелы и ангелы. О, пусть и мое «я» день и ночь восклицает Тебе: осанна, Отец Небесный! Осанна, Христос Сын Божий! Осанна, Дух Святой! О, пусть отныне с еще сильнее страхом и трепетом предстоят и служат перед Тобою, пребожественная Троица, престолы и господства и во всем исполняют Твою святую волю. О, пусть с еще большей напряженностью воспевают Твое трисолнечное Божество силы и власти и другие неведомые ангельские и архангельские чины светлых и пре-

¹⁰⁵ Этот временной срок является не точным биографическим указанием, а, скорее, образом, к которому прибегает автор.

светлых духов. О, пусть отныне и весь мир истаивает от внутренней пламенной любви к Тебе, мой Триипостасный Бог, всегда прославляя Твою любовь к себе. О, пусть отныне и сам сатана со всеми своими полчищами падших духов путем покаяния стремится к Тебе, Божественная солнцезрачная Триада, чтобы опять быть с Тобою и вечно и бесконечно прославлять Тебя!

Ах, все во мне замирает от одного безграничного величия Твоего богатства благодати и любвеобильного милосердия ко всей Твоей твари!»

17 декабря. Облагodatствованное «я»

Облагodatствованное человеческое «я» по своей святости стоит выше освященного «я». Облагodatствованное «я» является настолько преобразованным Христом, что само является животворящим «я» по благодати Христовой. Облагodatствованное «я» не живет уже собою и в себе, а живет Христом и во Христе. Его воля целиком растворяется в воле Господа, его сознание растворено во всеведении Христовом. Облагodatствованное «я» прозорливо, чудотворно и в некотором роде даже всемогуще. Облагodatствованное «я», находясь во Христе, непрестанно все более и более уподобляется Ему и разделяет с Ним Его божественность, делается причастником Его Божеской сущности.

Такое «я» полно в себе огня любви к Богу. Оно всегда пламенеет любовью ко Христу. Облагodatствованное «я» переполнено дарами Всесвятого Духа. Оно свободно подчиняет себе законы природы. Ему с любовью покоряются хищные кровожадные звери, его слушают ядовитые пресмыкающиеся. Оно обезвреживает все яды. Оно ходит по воде, как по суше, для него огненная стихия является прохладным утром. Оно с быстротою молнии переносится с одного места на другое. Оно может быть невидимо для очей человеческих. Оно может по своим молитвам заключать и отверзать небо для дождя. Оно может воскрешать мертвых, оно может прекращать всякие народные бедствия и т. д. И все это оно может творить не какими-либо естественными силами, а исключительно только волею Христовой. Для него Христос все. Оно Им живет, питается и дышит. У облагодатствованного «я» самосознание делается другим, более широким, размашистым, могучим, чистым, прозрачным и всепроницающим. Его разум проникает даже в самые тайны Божии. Его интуиция свободно преодолевает и время, и пространство, и оно как таковое в качестве своего содержания непосредственно переживает в себе осязаемое присутствие Троиственного Бога. Облагodatствованное «я» всегда аскетично. Оно полно в себе невообразимой деятельно-созерцательной любви к Богу. Сущая любовь к Богу есть сущий аскетизм. Облагodatствованное «я» – живое исповедание Христа и реальное мученичество за Него. Оно в самих своих страданиях за Христа находит жизнь для себя. Облагodatствованное «я» – это беспрестанная молитва, беспрестанные молитвенные слезы, беспрестанное покаяние, милующая любовь к миру, сострадание к падшим духом, непреодолимая жажда всеобщего во Христе воскресения, всеущего преображения в Нем и общего соединения со Христом и вращение в Него всех и вся, т. е. всего сущего.

Такое «я» живет и существует во всемогуществе Господа. Отсюда оно всё – праведник, всё – пророк, всё – раб Христов, всё – Его служитель, всё – Его друг, но еще не сын! Чтобы быть сыном Божиим, для этого человеческое «я» должно подняться еще выше по лестнице святости и совершенства. Но, поднимаясь ввысь, чтобы быть сыном Божиим, подвижнику должно переступить свое облагодатствованное состояние святости Христовой и вступить в чистое святилище уже обоженности Христовой. Это – последняя ступень на земле подвижничества Господня.

Удивительно, что здесь даже и самое восхождение человеческого «я» на эту высшую ступень Христовой обоженности совершенно меняется, о чем мы подробно скажем в своем месте. Теперь же мы скажем лишь о том, что человеческое «я», достигшее ступени облагодатствованности, как ни на какой другой ступени своей святости, больше всего подвергается самому страшному и всестороннему напору величайших духовных диавольских козней. Дьявол всех стоящих на этой ступени святости Христовых подвижников улавливает скрытым и тончайшим самомнением и самоуслаждением своею святостью. И вот не дай Бог допустить два-три раза до себя эти диавольские искушения, как тотчас с быстротою молнии окажешься в духовной прелести. Ибо дьявол через эти свои духовные соблазны первым делом будет отравлять облагодатствованное «я» подвижника тончайшею жаждою тщеславия и самообоготворенно-

сти. Первыми признаками отравления подвижника сим ядом являются мысли сравнения себя не с малыми подвижниками, а с великими, а потом и с Самим Христом. За таковыми мыслями уже следуют более тяжелые, усыпляющие подвижника сознанием своего превосходства в подвижнической жизни перед другими; а потом появляются тотчас богохульные мысли, а потом галлюцинация, а потом безумная блажь, и полное лишение рассудка, и сумасшествие, и, наконец, самоубийство. Поэтому стоящему на этой высокой ступени святости облагодатствованному «я» необходимо еще выше подняться и вступить в самую обоженность Христову. Вступив на эту высочайшую ступень святости Христовой, человеческое «я» становится уже защищенным от всех диавольских напоров и находится не в сфере всемогущества Христова, а только в области Его смирения.

Сказав это, я задумался, и тотчас мысли во мне хлынули волною, и я сказал: человеческое «я» – это есть мир в мире. И поэтому все, нарушающее гармонию, и ясность, и покой в мировой действительности, является следствием ухода моего «я» от Бога, а это есть зло. Поэтому-то человек больше всего должен бояться одного зла, ибо только оно одно и несет миру бедствия и самую смерть! Законы природы подчинены высшим законам религии и нравственности. Когда человечество истинно религиозно и действительно морально, тогда и все мировые законы благоприятствуют космической жизни. Когда же понижается религиозность и нравственность в человечестве, тогда все законы мировой действительности превращаются в неизбежные бичи даже и для космической жизни.

Это значит, что человек является виновником живой связи между небом и землей, между Богом и тварью. Какова связь человека с Богом, таковы и взаимные отношения неба с землей. Если эта связь крепка, то между небом и землей получается щедрый обмен духовно-творческими силами; если же связь слаба, да еще особенно с разрывом, тогда обмен сил прекращается между ними, и земля и, в частности, человечество уже подвергаются собственным разрушительным силам. Ах, как все это премудро и в высшей степени разумно и целесообразно создано! Но человек мало осознает все это, человек ушел в плоть, ушел в себя самого, в свой желудок, в свою толстую кишку, ушел в животность, в свои страсти, в свое «я», ушел в рабство своему самообоготворению. И как становится страшно за него, что он за время своей каторжной работы над самообоготворением применяет все способы для этого, по его мнению, великого и серьезного дела. Он пускает в ход даже и самую религию, и свои подвиги, и свою молитву, и пост, и раздачу своей собственности бедным, и даже, наконец, самое мученичество за Христа только для того, чтобы удовлетворить свое тщеславие! Не страшно ли и не ужасно ли все это? Да, бесконечно более страшно и бесконечно более ужасно, чем мы думаем.

О, Пресвятая и Пребожественная Троица! Сохрани и спаси меня от всего такого, чем бы я мог обоготворять себя! О, Боже, я знаю всю силу опасности плотских грехов, но я знаю также еще бесконечно более опасную сатанинскую силу – это религиозное самоуслаждение своею праведностью, своею святою жизнью, особенно когда это религиозное самоуслаждение разжигается человеческою похвалою и народною славой. Тогда бывает горе такому человеку, ибо он уже погиб, и его гибель будет для него заключаться в том, что у него от такого религиозного самоуслаждения исчезает всякая возможность покаяться, ибо покаянное чувство в нем превратится в выжженную солнцем дикую пустыню.

И вот, зная такую страшную опасность религиозной извращенности, о, Пребожественная и Святая Троица, я молю и умоляю Тебя, веди меня всегда к Себе Самой по самым глубоким рвам и низинам бездонно-глубинного смирения, ибо я также знаю, что можно гордиться и самым покаянным духом, можно даже тщеславиться и самым покаянием; но такая гордость и такое тщеславие все же не так опасны, ибо они никогда не могут собою питать наше самолюбивое человеческое «я», тем более они не могут обоготворять его. Однако и их нужно бояться, как самой смерти. А поэтому, всемогущий Триипостасный мой Бог, не освобождай меня из-под Твоей смиряющей меня десницы, пусть я всегда буду находиться под ней, пусть мое «я» от

нее совершенно высохнет и превратится в прах, покрытый плевками человеческого презрения и отвращения ко мне. Конечно, как плоть, так и дух мои от таковой смиряющей меня Твоей силы будут вопить, истерично надрываться; но несмотря на все это, Ты, о Боже мой, все же не освобождай меня от смиряющей Твоей десницы, ибо в этом я буду знать, что Ты не оставляешь меня и хочешь всячески спасти.

О, Владыка мой Бог, как человеческая природа сама по себе коварна, притворна и лжива! И это потому она является таковой, что она вся насквозь пропитана злом. В самом деле, есть ли в человеке хоть один атом, хоть одно чувство, хоть одно стремление, хоть одна мысль чистые – все, как снаружи, так и изнутри, как формально, так и по существу, носят в себе болезнь извращенности, ложь, изменчивость, предательство и т. п. Вот почему в нас нет ни одной чистой и цельной добродетели, ни одного чистого и непорочного подвига.

Но Ты, о Царь мой и Владыка Бог, снизойди к нашим немощам, покрой нас жалостью Своею, влеки нас к Себе, прости нам все наши злые деяния и помилуй нас. Господи, Господи, если все святые перед Богом нечисты, если херувимы и серафимы перед Тобою несовершенны, то что я могу думать о себе, когда я по своей греховной жизни являюсь перед Тобою величайшим грешником из грешников?!

Владыка мой Господь, на Тебя я возлагаю своё спасение и целиком вверяю себя только Тебе одному. Будь же моим Богом, будь моим Спасителем, будь же, Господи, Сам перед Собою всегдашним ходатаем за меня. Боже мой, надежда моя, спаси меня, введи меня в Царство Твое, ибо я Твое создание!

18 декабря. Обоженное «я»

С облагодаствованного «я» мы переходим к обоженному «я». Обоженное «я» богоуслышенное Самим Христом. Это «я» полно в себе смирения Христова. Его жизнь находится не во всемогуществе Господа, а в Его Голгофе: обоженное «я» восходит на вершину святости Христовой своим снисхождением в бездонно-глубинные шахты смирения Христова. Обоженное «я» выше всяких чудес, оно для себя предпочитает абсолютное самоуничижение и безусловное самоумаление и самоистощение ради Христа. Обоженное «я» окружено добровольным страданием ради Христа. Для него небо не вверху, а внизу. Его жизнь – непрерывные страдания за Христа. Обоженное «я» полно в себе одной чистой кротости Христовой. Оно все – абсолютное послушание воле Христовой.

Обоженное «я» уже не пророк и не чудотворец, а висящий на кресте Сын Божий. Его главу венчает не слава людская, а терновый венец сплошных страданий, душевной муки. Это «я» всегда находится под градом человеческих плевков. Оно всегда находится и под крестом, и на кресте. Такое «я» никогда не прибегает ни к каким чудесам, последние уже им перешагнуты. Самое его величайшее чудо – смирение Господне! Смирение же Господне есть душа самой любви Господней. Обоженное «я» все дары благодати Христовой добровольно кладет у ног смирения Христова. Для него ничего нет ни выше, ни ценнее смирения Господня. Обоженное «я» живет и дышит только одним смирением Христовым. Такое «я» всё, внутри и снаружи, исписано живыми письменами: «Господи, да будет во всем Твоя святая воля». Вследствие этого оно всегда преисполнено божественного в себе мира, мир Христов для него – его стихия. В нем нет даже и тени душевного смятения. Оно всегда покойно. Его радость преизбыточествует в нем приятнейшим Христовым покоем. Обоженное «я» – истинное юродство ради Христа, вернейшее исповедание Господа, сущая любовь к Богу, действительное самоотречение ради Христа. Обоженное «я» – это «я», превратившееся из мужа Христова в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.